

P2
K4-95
Тамара Черемнова

Про рыжую
Таюшку

08

P2
K4.46

Тамара Черемнова

ПРО РЫЖУЮ ТАЮШКУ

Повесть для детей
и их родителей

560000

Детская ЦБС
Централизованная
библиотечная система
г. Новокузнецк

Кемерово
«Кузбасс»
2005

УДК 882
ББК 84Р7(2Р-4Кем)
446

Черемнова, Т. А.

446 Про рыжую Таюшку : повесть для детей / Тамара Черемнова ;
худож. Лариса Тимофеева. — Кемерово : ФГУИПП «Кузбасс»,
2005. — 94 с. : ил. — 830 экз. — ISBN 5-85905-298-7.

Перед вами повесть писательницы из г. Новокузнецка Тамары Черемновой. Главная героиня — своенравная девочка Таюшка — встречается с различными жизненными испытаниями, не по-детски стойко переживая их. Она помнит и преданно ждёт пропавшего без вести отца, мужественно переносит постоянные нападки сверстников, решительно прикрывает собой собаку, в которую летят камни. Рыжая девочка Таюшка привлекает своей безоглядной добротой и смелостью. Книга предназначена для детей среднего школьного возраста.

УДК 882
ББК 84Р6(2Р-4Кем)

ISBN 5-85905-298-7

© Тамара Черемнова. Текст, 2005
© Л. Н. Тимофеева. Иллюстрации, 2005
© ОАО ИПП «Кузбасс». Макет, 2005

Ранним утром, когда на улице только-только началась повседневная суэта и люди заспешили кто куда, к недавно выстроенному зданию подошла грузовая машина с новыми жильцами. Из открывшегося окна кабины высунулся шофёр и прокричал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Этот дом за номером десять дробь два, подъезд четыре?

— Ну да, это тот самый дом и подъезд четвертый, — ответила дворничиха.

— Тогда всё правильно, — сказал шофёр, открыл дверцу кабины и спустил оттуда на землю девочку лет шести.

Что это была за девочка! Всё её лицо было густо усыпано веснушками, будто кто-то нарочно брызнул на личико золотой кистью. А головку венчала закрученная на макушке рыжая косичка — словно маленькая корона королевы.

Дворничиха даже зажмурилась. Вытерев руки о фартук, она тронула рыжие волосики и спросила:

— Ты и вправду такая золотая?

Девчушка широко улыбнулась, приветливо поздоровалась, но на вопрос не ответила — она и сама не знала, вправду ли она такая золотая.

На другой день эта девочка уже играла с ребятами в песочнице. Она оказалась очень задиристой и упрямой. Обычно того, кто не такой, как все, дразнят, но дразнилки, придуманные для Таюшки (так звали рыжую девочку), вскоре пришлось отставить. Дело в том, что Таюшка умела постоять за себя.

Однажды она затеяла шумную разборку из-за куклы. Кукла принадлежала кокетливой девочке в бантиках и выглядела так же нарядно и кокетливо, как и её хозяйка. Девочка

3

в бантиках опасалась доверить свою нарядную красавицу шаловливой Таюшке, а та во что бы то ни стало хотела её побаюкать. Таюшка потянула куклу к себе, девочка не отпускала. Таюшка дёрнула и нечаянно вырвала у куклы ногу. Однако девочка не отдавала и одноногую куклу, и развоевавшаяся Таюшка, не желая сдаваться, унесла ногу в беленьком носочке и синенькой туфельке к себе домой.

— Ну и зачем она тебе нужна, нога без куклы? — спросила Таюшку мама. — Что проку в оторванной кукольной ноге?

— Нога тоже красивая, — возразила Таюшка.

— Что за ребёнок? Откуда такая воинственность? — развела руками мама. — Тебе надо было мальчиком родиться с такими повадками...

Да уж, эта Таюшка далеко не во всём была золотой.

Однажды — дело было в субботу — все дети вышли к песочнице чистенькими, искупанными, принаряженными. И среди всей этой компании выделялся один весьма упитанный мальчик, который жевал, причмокивая, большой бутерброд с копчёной колбасой, а на него во все глаза смотрел, высунув язычок, голодный дворовый щенок.

— Дай маленький кусочек, — попросила подошедшая Таюшка.

— Ещё чего, свой надо было из дома брать, — возразил толстый мальчик.

— Да я не для себя, я для щенка! — пояснила Таюшка.

— А тебе я потом сразу два бутерброда принесу.

— Вот иди и носи из дома сразу два бутерброда для щенка. — И толстяк демонстративно откусил от бутерброда.

— Моей мамы сейчас нет дома, — сказала Таюшка при-

мирительно, — иначе я бы у тебя не просила.

— Сказал не дам, значит, не дам! Я не буду делиться с бездомной собакой своим бутербродом! — разозлился толстяк и отвернулся.

— Ну что тебе стоит дать щенку хоть маленький кусочек? — не отступала Таюшка.

— Уйди, конопатая, а то...

Не успел толстяк проговорить обидное слово, как получил звонкую оплеуху. И покатались по грязному асфальту в чистых одёжках рыжая Таюшка с толстым мальчишкой. Бутерброд у толстяка выпал из рук, и щенок его тут же проглотил и пустился наутёк.

— Ха-ха-ха, так тебе и надо, жадина! — залилась смехом Таюшка.

— Ах, так? Вот тебе, получай! — И толстяк, победно усевшись верхом на Таюшку, вцепился ей в рыжие волосы.

— Отпусти, больно! — Таюшка попыталась высвободиться из-под увесистого мальчишки, но безуспешно; тогда она в отместку трижды ущипнула его за толстый бок: — Ха-ха-ха, бутерброд убежал от жадины!

— Не ври, вруша, бутерброд не сам убежал, его утащил твой паршивый пёс! — орал мальчишка.

А щенок, успевший за это время проглотить бутерброд, звонко тьякал, прыгая вокруг дерущихся. Неизвестно, чем бы закончилась эта драка, если бы к ним не подошёл пацан постарше. Он легко снял толстого мальчишку, победно восседавшего на Таюшке, затем поднял и саму Таюшку.

— За что он на тебя так набросился? — спросил пацан у Таюшки.

— За то, что я попросила у него немного хлеба с колбасой вот для этого голодного щенка, — объяснила Таюшка, не переставая громко хохотать.

— Она врёт, она не просила, она отобрала у меня бутерброд! — заорал толстяк и снова чуть не свалил Таюшку кулаком.

Но тут показалась возвращавшаяся из магазина Таюшкина мама. Увидев дочь, окружённую мальчишками и, как всегда, воинствующую, в измазанном выходном платье, она в ужасе схватила Таюшку за грязную ручонку и молча потащила её домой.

— Ну, сейчас ей будет, — позлорадствовал толстяк и тут же получил подзатыльник от старшего пацана, заступившегося за Таюшку.

Стоя в углу, Таюшка фыркала от смеха, вспоминая, как толстяк роняет свой бутерброд, а щенок в одну секунду глотает его.

— Фыр, какой неуклюжий толстяк! Ему надо было сразу затолкать весь оставшийся бутерброд в рот, а он положил его на ладонь, да ещё пальцы свои жирные растопырил, вот и достался бутерброд тому, кто его очень хотел! Фыр-фыр!

— Вы посмотрите, она ещё и смеётся! — возмутилась мама, услышав фыркание в углу. — Совсем бессовестная дочь у меня растёт.

— Мамочка, я же не отбирала у него этот бутерброд, я просто попросила у него маленький кусочек для голодного щенка. А он, ха-ха, положил его на ладонь, да ещё растопырил пальцы! Ой, ха-ха-ха!

— Щенков можно угощать только своими бутербродами, — сказала мама. — Теперь все соседи будут говорить, что моя дочка растёт бандиткой. И вот ещё что: ты сегодня же отдашь оторванную у куклы ногу. Ну зачем она тебе? Этой девочке, наверно, очень хочется поиграть с этой куклой, а у

той нет ноги, — говорила мама, сердясь.

— Ну, мамочка, не сердись! Если хочешь, я этому мальчику сразу два бутерброда завтра отдам, — уткнувшись головой матери в колени, примирительно прошептала Таюшка.

— Ты у меня, Тая, похожа на одну маленькую, глупенькую, непослушную ведьмочку, которая, вылетев без разрешения из леса, поселилась на чердаке у одинокой бабушки и нажила себе кучу неприятностей.

— Мамочка, а ты мне расскажешь про эту маленькую ведьмочку? — с надеждой в голосе спросила Таюшка.

— Я расскажу тебе эту сказку, ну только с одним условием: ты сегодня же пойдешь и исправишь свои ошибки, — потребовала мама. — И запомни ещё одну вещь: нельзя у человека отбирать его кусок хлеба. Тебе надо было дожидаться меня, и тогда ты бы вынесла щенку хоть три бутерброда, но свои. А сейчас ты пойдёшь и извинишься перед детьми.

— Хорошо, мамочка, я сделаю всё, как ты просишь, — согласилась Таюшка и побежала исполнять свои обещания.

Через десять минут в прихожей раздался звонок, и Таюшкина мама пошла открывать дверь.

— Господи Иисусе, что это? — с ужасом проговорила мама, взглянув на возникшего перед ней чумазого взъерошенного ребёнка. — Тая, это ты? — спросила мама, с трудом узнавая свою дочь.

Взлохмаченная, вся перепачканная песком и кровью, рыжая головёнка утвердительно кивнула, что означало: «Да, это я, твоя дочь». Мама оглядела своё чадо с головы до ног: на её ребёнке не было живого места, голубенькое платьице, надетое всего десять минут назад, украсилось грязевыми разводами, из разбитых коленок сочилась кровь, из ссадины

на лбу тоже сбегала струйка крови.

— Таюша, что случилось?! — мама легонько дотронулась до головы дочери.

— Мамочка, он первый начал, я не виновата... — тихо проговорила Таюша, с трудом шевеля разбитыми губами.

— Ну почему других девочек не бьют, а бьют только тебя? Горюшко моё! — вздохнула мама и запустила своё избитое горюшко в квартиру.

Когда все ссадины и царапины уже были обработаны и смазаны зелёной и ноющая боль в теле стихла, Таюшка, лёжа в постели, невольно стала размышлять (чего раньше за ней не наблюдалось).

И правда: почему сегодня так нелепо всё получилось? Она же вышла, чтобы попросить прощения, а этот толстяк накинулся на неё и начал драться. Наверно, мама права: она, Тая, совсем нехорошая. Но почему ж такая уж нехорошая? Ну что в ней такого плохого? Девочка как девочка, и косичка золотая у неё есть и... И она ведь старается! Но что-то ей мешает... Надо бы расспросить маму: что же всё-таки мешает быть хорошей?

— Ну что, Таюша, успокоилась? — спросила мама, присаживаясь на край постели.

— Мам, я, наверно, и вправду нехорошая девочка, если все меня бьют?

— Знаешь, почему сегодня с тобой всё так некрасиво приключилось? И не только сегодня? Потому что ты, Таюша, упрямец! Ты же стоишь и просишь у человека, пока не добьёшься своего, вот и получаешь в лоб. Попроси у человека один раз, если же он не даёт, значит, отойди. А ты всегда стоишь и настырно добиваешься своего. Вот если у тебя

начнут просить что-то очень вкусное, а тебе покажется, что и самой мало, что же тогда?

— Тогда я всё равно поделюсь, — ответила Таюшка.

— Ну а если заупрямишься и не захочешь, как не захотела отдавать оторванную ногу от чужой куклы? — напомнила мама.

Таюшка виновато молчала.

— Вот видишь! Молчишь, значит, признаёшь, что я права, — вздохнув, сказала мама.

— Нет, мамочка, голодному щенку я всегда отдам даже самое вкусное, потому что собачкина мама не может готовить вкусненькое, а у этого щенка вообще нет мамы, и ему никто не даст поесть.

— Собачкина мама никогда не бросит своего малыша, она кормит его своим молочком, пока он не подрастёт. А уж подросший щенок должен сам добывать себе еду, поняла?

— Мамочка, ну как щенок будет добывать себе еду, он же на работу не ходит? — упрямылась Таюшка.

— Послушай, Тая, я вовсе не против, чтобы ты кормила голодных животных, я просто хочу, чтобы ты поменьше упрямылась, — сказала мама, выходя из комнаты.

— Мамочка, ты мне обещала рассказать сказку про маленькую упрямую ведьмочку... — Таюшка умоляюще смотрела на маму.

— Я тебе обещала рассказать эту сказку, только если ты будешь послушной, а ты опять влезла в драку, — напомнила мама.

— Но мамочка, не я же побила этих мальчишек, — захныкала Таюшка.

— Тая, мы же с тобой только что договорились, и я попросила тебя поменьше упрямыться.

— Мамочка, ведь это несправедливо, я же сама никого

не била и ничего плохого не сделала, просто заступилась за голодного щенка. Дрались ведь мальчишки!

— Ну хорошо, — сказала мама примирительно и опять присела на краешек кровати. — Я расскажу тебе эту сказку, если ты мне пообещаешь, что будешь поменьше упрямиться, и будешь немного посговорчивее, когда я тебя о чем-то прошу. Обещаешь?

— Мамочка, я обязательно... Я тебе... Я тебя... Я постараюсь слушаться тебя, — запинаясь и путая от волнения слова, поклялась Таюшка.

— Запомни, данное слово всегда надо держать, — сказала мама.

— А если это не всегда получается? — прошептала Таюшка.

— Значит, получается, что ты меня обманываешь. И потом, когда вырастешь большой, тоже будешь меня, старенькую, обманывать, — грустно произнесла мама.

Таюшке стало очень жаль свою мамочку, которая будет старенькой и обманутой. Ну уж нет, она ни за что не станет её обманывать. И Таюшка твёрдо решила, что если снова подерётся с мальчишками или заупрямится, то сама, добровольно, встанет в угол, хотя и ужасно боится стоять в тёмном углу.

— Ну хорошо, значит, ты обещаешь быть послушной, — улыбнулась мама, видя, какие страдания написаны на Таюшкиной конопатой рожице. — Тогда слушай сказку.

Далеко-далеко, в самой чащобе густого леса, пряталась большая глубокая пещера, в которой жили сестры-ведьмы. И была у них маленькая сестричка по имени Шиша. Ох, и доставалась же этой Шише от старших сестёр! Они её то за

уши потащат, если большой костёр потухнет, то за волосы таскать начнут, если пол не успела подмести, а то и за ноги повесят на высокий сучок, если Шиша у них под ногами путается. Висит Шиша на сучке,

плачет, а сестры посмеиваются над ней. А когда сестры разлетаются по своим делам, Шиша слезает с сучка и бежит к своей знакомой зайчихе — пожаловаться и поплакаться. Та пригревает Шишу, успокаивает, и Шиша засыпает у зайчихи под тёплым боком. Но там под вечер сестры её находят и за уши приносят домой в пещеру.

Но вот однажды присмотрела себе Шиша пустое птичье гнездо и спряталась там от сестёр. Сидела-сидела в гнезде и нечаянно заснула. А когда проснулась, кругом было уже темно. Видимо, сегодня сестры не смогли её отыскать, подумала Шиша. А это заброшенное птичье гнездо было на самой макушке высокой старой берёзы, и макушка мерно покачивалась, так что Шишу чуть было опять не укачало в сон.

— Эх, надо идти домой, — вздохнула Шиша и начала уже было спускаться, да так и замерла, открыв рот от неожиданности: на самом краю леса она увидела крохотный, но яркий огонёк, он то мерцал, то снова исчезал во тьме.

Долго так висела Шиша, замерев, и рассуждала:

— Что это за огонёчек? Упавшая звезда? Так почему же тогда она не погасла? Чей-то зажженный костёр? Но почему же тогда он такой маленький? Эх, какая жалость, что у меня до сих пор нет своей летающей метлы! Была б у меня сейчас своя метла, я бы вмиг слетала туда и обратно!

Сестры обещали ей подарить такую метлу, но только на праздник, который будет через четыре Луны. В эту ночь все ведьмы слетятся на праздник, и каждая из сестёр выдернет из своей метлы по волшебному прутику и подарит Шише,

и у неё таким образом соберётся своя метёлочка. Но это будет ещё не скоро, надо, чтоб по небу прокатилось четыре круглых Луны...

И Шиша горестно вздохнула...

Таюшка уже крепко спала. Во тьме за окном празднично мерцал своими многочисленными фонарями ночной город. Мама поправила на дочкиной кровати сбившееся одеяльце и тихонечко вышла.

Когда Таюшка проснулась, то услышала шкворчание, доносившееся из кухни: мама готовила завтрак. Обычно она просыпалась, когда мама уже убежала на работу, но сегодня было воскресенье. И Таюшке показалось, что сегодня должно случиться что-то необычное и очень-очень хорошее. Она быстренько надела приготовленное мамой платье, начала расчёсываться, да не тут-то было: едва она провела расчёской по голове, как начали болеть синяки и шишки, полученные во вчерашней драке. Таюшка долго возилась с волосами, но всё-таки управилась, косичка была успешно заплетена.

— Таюша, иди завтракать, — позвала из кухни мама.

— Ма-а-амочка, а можно я сразу после завтрака пойду на улицу? — спросила Таюшка и запрыгала на одной ножке к столу.

— Таюша, веди себя поприличнее! — строго сказала мама.

— Мамочка, у меня сегодня очень хорошее настроение, мне кажется, что сегодня произойдёт что-то хорошее-прехорошее, — сказала Таюшка. Это необыкновенное предчувствие чего-то радостного не покидало её с самого пробуждения.

— Ну ладно, Таюша, завтракай и иди гулять. Только

сначала верни оторванную у чужой куклы ногу, хорошо? И попроси у той девочки прощения, поняла?

— Угу, — отозвалась Таюшка, заталкивая в рот последний кусочек яичницы с помидорами. Потом она отыскала в своих игрушках ногу от чужой куклы и понеслась, весело прыгая по ступенькам.

Девочку, с которой они подрались из-за куклы, она нашла быстро — та сидела в песочнице и играла.

— На, возьми, — миролюбиво сказала Таюшка, подойдя к песочнице и протягивая девочке куклину ногу.

— Спасибо, — поблагодарила девочка. — Меня зовут Мариша, а тебя как?

— А меня Тая. Ты прости меня, Маришка, что сломала твою куклу, просто мне тогда очень хотелось поиграть с такой куклой, — призналась Таюшка.

— Мне сейчас папа её починит, и мы с тобой поиграем с ней по очереди. Хорошо? — И Маришка радостная побежала домой.

А Таюшка забралась в песочницу и стала лепить из песка при помощи разных формочек красивое печенье, да такое, что у самой слюнки потекли. Вскоре вернулась Маришка и предложила:

— Давай поиграем в кондитеров, ты будешь делать пирожные, а я буду их продавать. А потом я буду делать пирожные, а ты станешь продавцом. Ладно?

— Ладно! — обрадовалась Таюша. — Я уже вон сколько их напекла.

— Кому пирожных, покупайте! Пирожные всякие, с кремом, с джемом, с фруктами! Самые вкусные пирожные! — начала кричать, как заправский продавец, Маришка, и к ней сразу же потянулись девочки, игравшие неподалёку.

Но вот начал накрапывать дождик, и все дети стали по-

маленьку разбредаться по домам. Таюшка тоже отправилась домой, но у неё развязался шнурок, пришлось присесть и завязывать. Возясь с непослушным шнурком, она услышала неподалёку от себя тихое и жалобное «мяу». Она оглянулась, но поблизости никого не увидела. Но стоило ей опять нагнуться, чтобы довязать шнурок, как она опять услышала это «мяу». Таюшка позвала: «кыс-кыс-кыс», но ей никто не ответил. Тогда она на цыпочках (чтобы не спугнуть) подошла к подвальной дырке и снова позвала: «кыс-кыс-кыс». Но больше никто не мяукал. Тогда она решила заглянуть за угол дома. И что же? Там сидел, прижавшись к стене, ярко-рыжий, встопорщенный, крохотный котёнок.

— Ой, какой же ты неприглаженный... — рассмеялась Таюшка и погладила его.

— Мяяякакау! — запищал котёнок и сам подошёл к Таюшке.

Таюшка взяла его в руки, и котёнок своим маленьким шершавым язычком начал облизывать Таюшкины пальцы.

— Ой-ой-ой, мне же щекотно! Ха-ха-ха! — расхохоталась Таюшка, посадила котёнка в карман джинсового сарафана и побежала к Маришке.

— Маришка, Маришка, посмотри, что у меня есть! — закричала она и высадила котёнка из кармана в песочницу.

— Ах, какой хорошенький! — восхитилась Маришка. — Где ты его нашла?

Постепенно подошли и другие ребята, которые не испугались дождя, и тоже завосхищались котёнком:

— Ого! Какой он весь рыжий! Откуда он? Чей он? Где ты его взяла? — посыпались со всех сторон вопросы.

— Он сам ко мне подошёл, — похвалилась Таюшка.

— Ой, не ври, — засомневалась одна девочка.

— А я и не вру, он сам позвал меня. И он звал именно

меня, а не кого-то другого! — расхвасталась Таюшка.

Таюшка даже и не заметила, как все малыши примолкли, и только тогда сообразила, когда услышала у себя за спиной мальчишечьи голоса:

— Смотри, опять рыжая здесь! Кого это они там прячут? Ну-ка, мелюзга, раздвиньтесь! Смотри, рыжая такого же кота рыжего притащила! Мало того что сама рыжая, так ещё и кот у неё рыжий! А ну отдай кота!

— Не отдам, — храбро ответила Таюшка, быстро спрятала котёнка в карман сарафана и сжалась, не на шутку испугавшись налетевшей ватаги мальчишек под предводительством её недруга толстяка.

— Отдай, говорю, а то хуже будет! Тебе, кажется, уже говорили, чтоб ты тут больше не появлялась, а ты опять здесь! Что, мало вчера получила?! Тебе же сказано было, что это наш двор и рыжим здесь не место, ты поняла?! — кипятился толстяк.

— Нет, — буркнула Таюшка себе под нос. Она ясно поняла, что её сейчас опять будут бить, и крепче прижала к себе котёнка.

— Лучше отдай кота, а то сама получишь, ну! — И толстяк, так и не сумев заполучить кота, изо всей силы толкнул Таюшку в спину.

Таюшка как сидела на корточках, так и упала лицом вниз, стукнувшись губами о бордюруину песочницы, и сразу же почувствовала во рту привкус крови. А другой мальчишка, постоянно сопровождавший толстяка, больно пнул её по коленкам.

— Мама, мамочка, скорее сюда, на помощь! — пронзительно закричала Маришка, наивно полагая, что мама на двенадцатом этаже её услышит.

Однако помощь всё-таки подоспела. Но не от Мариш-

киной мамы.

— Ах вы, паразиты, мало вам своих драчек, уже и малышей начали бить! — звучно гаркнула прибежавшая на Маришкин крик дворничиха.

И Таюшка услышала торопливый топот трусливо убегающих мальчишек, минуту назад храбрых и воинственных. Она повернула голову и увидела, как вся мальчишечья ватага улепётывает от дворничихи, а та, нагоняя, хлещет их своей метлой. Таюшка, вскочив, бросилась к своему подъезду, вбежала на лестничную площадку и так отчаянно заревела: «Ма-а-амо-о-очка!» — что жильцы в тревоге пооткрывали свои двери и, видя окровавленного ребёнка, повыскакивали на лестницу, спрашивая: «Что случилось, деточка?»

Таюшка с разбега уткнулась в материнские колени и ещё больше зашла в истерическом рёве.

— Господи, да что же это такое? Вчера пришла вся избитая, сегодня то же самое, когда же это кончится? — заплакала Таюшкина мама.

— А вы узнавали, кто её бьёт? Кто же у нас такой изверг?! Так ведь всех малышей перекалечат! — возмутились жильцы.

— Так это Борька со своей командой, — услужливо подсказала какая-то тётка.

— Да, это он, сын нашего бизнесмена-предпринимателя, — подтвердила другая тётка.

— Так это Николая Васильевича Сагинова сынок? — И люди, почему-то успокоившись, стали расходиться по своим квартирам.

Мама завела Таюшку домой, кое-как отцепила её судорожно сжатые руки, приговаривая:

— Таюша, разожми руки, ты же задушишь котёнка, слышишь, ему тоже больно, отпусти его!

Дворничиха даже зажмурилась. Вытерев руки о фартук, она тронула рыжие волосики и спросила:

— Ты и вправду такая золотая?

Девчушка широко улыбнулась, приветливо поздоровалась, но на вопрос не ответила — она и сама не знала, вправду ли она такая золотая.

к с. 5

Девочка в бантиках опасалась доверить свою нарядную красавицу шаловливой Таюшке, а та во что бы то ни стало хотела её побаюкать. Таюшка потянула куклу к себе, девочка не отпустила. Таюшка дёрнула и нечаянно вырвала у куклы ногу.

Потом мама повела Таюшку умываться, переодела в чистое платье, но струйка крови из рассечённой губы не останавливалась. Мама вызвала неотложку, и их с Таюшкой отвезли в поликлинику. Там ей не очень больно наложили швы.

— Ну вот, теперь всё до свадьбы заживёт, — улыбаясь, сказал доктор. — И где ж это она так ударилась? Наверное, слишком быстро бегала?

— Нет, это её избили мальчишки, — горько сказала мама.

— Тогда вам надо заявить в милицию. И знайте: черепно-мозговые травмы у детей не всегда проходят бесследно, — предостерёг доктор.

И Таюшка с мамой отправились домой. Мама уложила Таюшку отдыхать, а сама куда-то ушла.

Таюшка, свернувшись калачиком, начала уже дремать, как вдруг вспомнила про котёнка и с тревогой подумала: «Неужели мама выбросила его?» Но её страхи оказались напрасными: котёнок сладко спал на краешке ковра.

Таюшке захотелось быть рядом с котёнком, и она улеглась на ковёр, обняв мяконецкий комочек. Так и заснула, словно в яму провалилась.

* * *

— Таюша, вставай, — откуда-то издалека донёсся до Таюшки мамин голос.

Таюшка силилась проснуться, но никак не могла вылезти из той сонной ямы, а мамин голос настойчиво звал её. И она подумала: а вдруг мамин голос сейчас исчезнет, и она, Таюшка, его больше никогда не услышит. Ей стало страшно, и она с большим усилием открыла глаза. Первое, что она увидела, было взволнованное лицо мамы, склонившейся над ней. Потом она обнаружила, что у них в квартире сидят два

Детская ЦБС
Централизованная
библиотечная система
г. Новокузнецк

17

560000

незнакомых человека — мужчина и женщина. Оказывается, они пришли вместе с мамой, когда Таюшка спала.

— Ничего страшного, Светлана Николаевна, такое заторможенное состояние бывает после обезболивающих инъекций, девочка просто крепко заснула. Сейчас с ней всё будет хорошо, не беспокойтесь. Я сама врач. Как ты себя чувствуешь, Таюша? — принялась расспрашивать Таюшку женщина. — Губа болит?

Таюшка кивнула.

— Ну а голова болит? А где ещё болит?

— Нигде, — засопела Таюшка и стала шарить руками вокруг себя. Оказывается, она уже лежала на кровати, наверное, мама перенесла её туда с ковра.

— А где Рыжик? — спохватилась Таюшка, вспомнив про котёнка.

— Что-что? Какой Рыжик? — не поняла женщина.

— Да котёнок, из-за которого её сегодня избили, — сказала мама. — Вон он, Таюша, играет с твоей жёлтой шапкой.

Таюшка посмотрела на пол и улыбнулась: котёнок всеми четырьмя лапами отчаянно теребил кисточки на шапке.

— Ну ладно, здесь всё понятно, мы пойдём, — сказал мужчина, молча сидевший во время всего разговора. — А с Борисом мы разберёмся. Можем обещать, что этого больше не повторится.

— И завтра обязательно привезите девочку к нам в клинику: надо обследовать головной мозг, и, возможно, вам назначат лечение, чтобы избежать нежелательных посттравматических последствий, — на прощание приказала женщина Таюшкиной маме.

— Я предупрежу в регистратуре, чтобы вас пропустили

без очереди. Ну, до свидания. И надеемся, что больше такого не повторится.

И они ушли.

— Мам, это кто такие? — спросила Таюшка.

— Борины родители, — ответила мама. — Я ходила к ним домой разбираться, почему их сын и его компания тебя бьют.

— Ага, значит, этого противного толстяка зовут Борькой, — хмыкнула Таюшка. — Толстый, жирный, как поезд пассажирный!

— Таюша, если я ещё раз от тебя услышу, что ты кого-то обзываешь, я просто перестану с тобой разговаривать, причём навсегда. — И мама ушла на кухню.

Таюшка поняла, что опять обидела маму. Ну почему так получается? Она ведь очень любит свою маму. Жил бы папа с ними, он бы, наверно, всё Таюшке объяснил: что хорошо, а что плохо.

— Таюша, иди помоги мне обед готовить, — позвала Таюшу мама, и та побежала на кухню.

— Мамочка, прости, я постараюсь больше не обижать тебя... — прошептала Таюшка, уткнувшись матери в колени. — Обещаю!

— А ты знаешь, Таюша, когда человека не любят, его всегда обманывают.

— Нет, мамочка, я тебя очень люблю и постараюсь больше не обижать. А ты меня лучше почаще наказывай, — посоветовала Таюшка.

— Таюша, но ведь я тоже тебя люблю, и мне тоже бывает неприятно тебя наказывать, ставить тебя в угол, зная, что ты терпеть не можешь там стоять. Ну ладно, давай-ка лепить котлеты, а то мы все трое умрём с голоду.

— Мьяякакаууу, — закричал подбежавший Рыжик.

— Мам, чего он кричит, да ещё царапается? — удивилась Таюшка.

— Рыжик проголодался и просит есть, — улыбнулась мама.

Рыжику выдали самую первую котлету, он её с аппетитом съел. Потом выпил целое блюдечко молока, с трудом дополз до середины комнаты и вдруг пронзительно запищал. Мама с Таей удивлённо переглянулись. Таюшка подошла к Рыжику и хотела погладить его, но Рыжик зашипел на неё и так зло царапнул, что Таюшка даже испугалась. И они с мамой заметили, что Рыжик весь раздулся и стал похож на какой-то безобразный пузырь.

— Мамочка, что это с Рыжиком?

— Не знаю, Таюша, может, у него животик заболел, мы ведь с тобой не знаем, как правильно кормить котят. Может, ему ещё нельзя котлет, может, именно от них ему сейчас так плохо, — заволновалась мама.

Рыжик заверещал ещё пуще — так, что Таюшка даже уши заткнула. Но тут их выручил звонок в дверь: пришла соседка тётя Даша. Увидев котёнка, всплеснула руками:

— Что ж это вы над ним, сердечным, издеваетесь? Да разве же так можно? — запричитала она.

Мама с Таей испуганно переглянулись.

— Мы ничего плохого ему не сделали... — прошептала Таюшка.

— То-то и оно, что сделали! Небось так накормили, что живот раздуло, а туалет ему, бедному, не приготовили! Где ж ему освободиться? Подождите, у меня дома, кажется, есть старый ящик от посылки. Я его сейчас принесу, а вы пока постелите ему какую-нибудь старую тряпку. Смотрите, как его пучит, беднягу.

Старушка ушла за ящиком, а мама постелила котёнку

тряпку. Котёнок залез на тряпку, последний раз хрипло пискнул, зажёб тряпку вокруг себя лапками и затих. Потом молча слез с тряпки. Свернулся, поджав под себя лапки, у самой кромки ковра и уснул.

— Какой у нас с тобой, Таюша, умный котёнок, — улыбнулась мама.

После обеда Таюшка прилегла на мамин диван: у неё разболелась потревоженная разбитая губа. Мама накрыла её пледом и ушла к соседке тёте Даше в надежде, что та уже отыскала ящик для Рыжика. Таюшка заснула и увидела странный сон: ей на голову падают спелые яблоки, больно бьют, она почему-то не может убежать, а яблоки всё падают и падают. Она проснулась и поняла, что это Рыжик пляшет у неё на голове: засунет свою мордочку под плед, половит там что-то и давай опять прыгать по Таюшкиной голове. Таюшка только уберёт его, а он снова на голову ей прыг и опять под плед лапами лезет, словно кого-то ловит. Таюшке надоела Рыжикова пляска, и она встала. И они с Рыжиком уселись у окна.

Таюшка смотрела, как малыши возятся в песочнице, как качаются качели, как дерутся, что-то не поделив, два малыша. Потом стал вновь накрапывать дождик, и листва под окном вздрагивала, когда на листочки попадали капли дождя. Наконец, начали зажигаться фонари, и пошёл настоящий дождь, и город за окном стал похож на размытую картину.

Вскоре вернулась мама.

— Я думала, Таюша, что ты ещё спишь, — улыбнулась мама, ставя у порога ящик с песком для котёнка.

— Мама, почему, когда я спала, Рыжик прыгал у меня на голове? — спросила Таюшка.

— Он, наверное, играл с твоей косичкой, — ответила мама. — Видимо, ему скучно стало, когда ты спала. Знаешь,

теперь ты не одна, у тебя есть о ком заботиться, так что будь добра, если завела котёнка, ухаживай за ним сама. Когда поправишься, будешь менять для него песочек в ящичке сама, поняла?

— Поняла, — согласилась Таюшка.

— Ну, а теперь пойдёмте чай пить, — сказала мама и ушла на кухню.

Рыжик тут же поскакал за ней. Они попили чаю, и мама сказала:

— Таюша, посмотришь мультик по телевизору и сразу спать, а то мне завтра рано вставать на работу. Я сегодня совсем не отдохнула...

— Нет, мамочка, я не хочу смотреть мультик, я лучше лягу в кровать, а ты мне расскажешь, что было дальше с Шишей, — попросила Таюшка.

— Хорошо, Таюшка, ложись и послушай, что было дальше с Шишей.

Таюшка быстренько разделась и юркнула в постель. Рыжик примостился возле неё.

Мама присела на краешек кровати и спросила:

— Ну, так на чем я остановилась?

— Что по небу должно прокатиться четыре луны, — напомнила Таюшка.

— Так слушай дальше...

Слезла Шиша с берёзы и побежала к себе в пещеру. Добежала по ней и остановилась. Постояв немного возле тёмного входа, она, встав на четвереньки, тихонечко поползла и вдруг уткнулась головой прямо в метёлки.

— А что будет, если я сейчас возьму по прутику с каждой

метлы? Мне бы только слетать туда и обратно, посмотреть, что за огонёк там светит, — подумала Шиша. — Ведь сейчас темно и никто не заметит, что я их возьму. А когда прилечу обратно, поставлю все прутики на место, — успокаивала себя Шиша.

Она дотронулась до чьей-то метёлки, тихо потянула прутик, вытащила... и ничего не произошло. Потом ещё один и ещё — и так натаскала на приличную метёлочку. «Я же верну!» — поклялась про себя Шиша. Связала она прутики, нашла заготовленный для

своей метёлочки черенок, воткнула его в пучок прутьев, перевязала веревочкой, тоже заранее заготовленной, уселась верхом — и как гикнет! И метла взвилась высоко-высоко, так, что у Шиши ночной воздух засвистел в ушах. Оглянулась Шиша: внизу лишь ночная чернота, а метла так и несёт её к самым звёздам. Тут Шиша догадалась, что метлу надо попридержать, обхватила её обеими руками — и метла полетела медленнее. Потом

опустила черенок вниз — и метла начала снижаться.

Вскоре Шиша почувствовала, что её голые ножки стали задевать макушки деревьев. Тогда она выровняла метлу и направила её к старой берёзе. Покружила вокруг берёзы, увидела тот самый таинственный огонёк и направила метлу прямо на него.

Долго летела так Шиша, а огонёк то появлялся, то исчезал. Вот уже на востоке совсем посветлело небо, а огонёк чуть приблизился. И вот лес под Шишой внезапно кончился, и она влетела в деревню.

Шиша покружила над крышами изб и хотела уже повернуть обратно, как вдруг увидела в одном из окошек тот самый огонёк. Она направила метлу вниз и очутилась в чьём-то дворе. Всё было тихо. Но вдруг из соломенной крыши курятника

вылетел огромный петух и оглушительно прокукарекал: КУКАРЕКУУУ! Шиша так перепугалась, что вскочила на петуха и хотела прижать его, чтобы он не голосил так громко. Но петух, не ожидавший,

что на него кто-то вскочит, заголосил ещё громче и метался по темному двору. Шише ничего не оставалось, как спрыгнуть с этого полоумного петуха. Схватив метлу, она уже хотела взвиться в небо, но тут увидела на крыше дома маленькую полуоткрытую дверцу. Шишей овладело любопытство, и она влетела в эту дверцу. И попала на чердак. Весь пол этого чердака был покрыт охапками и пучками засушенных листьев, цветков, стебельков и корешков. Шиша, уставшая от своего ночного полёта, почувствовала себя совсем обессиленной. Безумно захотелось спать. Ей не составило большого труда сделать себе из сухих листьев, устилавших пол чердака, мягкую постельку, и она, свернувшись клубочком и зарывшись в листья, уснула.

Проснувшись она оттого, что почувствовала, как кто-то на чердаке шуршит листьями, и при этом запахло одновременно котом и петухом. Шиша чихнула и открыла глаза: прямо на неё надвигались большущий толстый кот и уже знакомый ей полоумный петух, который в данный момент почему-то прихрамывал на одну лапу.

— Шишшш, — зашипел кот и прыгнул к Шише.

— Я не шиш, я Шиша.

— Нет, шиш, — прошипел зло кот.

— А я говорю, что я не шиш, а Шиша, — заупрямилась она.

— Шиш! — Кот подскочил совсем близко и упёрся своим вонючим носом в Шишин нос. — Шишшш!

— Я не шиш, я Шиша!

— Шиш!

— Шиша я!

— Шиш!

— Шиша я.

Петух, разумеется, вступился за кота, спорщики сцепились, и на чердаке поднялся настоящий ураган. Дверца чердака открылась, и оттуда вылетел клубок дерущихся, густо опутанный сушёной растительностью, — словно осенний ветер вынес этот клубок оттуда. Клубок грохнулся на землю, сушёные растения разлетелись, и на земле остались валяться дико орущий кот с задранными лапами, и петух, молча лежащий на спине. Шиша, к счастью, успела взмыть обратно на чердак. Подошедшая старенькая бабушка ахнула,

увидев неподвижного петуха.

— Петенька! Что с тобой? — заголосила бабушка, думая, что петух сдох.

Однако едва она к ним подошла, петух и кот вскочили и помчались: кот в одну сторону, петух в другую.

— Ах, негодники, что ж вы наделали? Все лечебные травы, что я с таким трудом насобирала по лесам да по полям, скинули с чердака! Ну погодите, ужо вернётесь домой, я вас обоих накажу! — сердилась бабушка, пытаясь собрать с земли разбросанные целебные растения.

Но у неё ничего не получилось: все её драгоценные листки, цветки, стебельки и корешки разлетелись по разным уголкам двора. И старушка, горестно махнув рукой, поковыляла в избу.

Шише стало жаль старенькую бабушку — она часто встречала её в лесу, где та собирала лечебные травы: старушка знала в них толк. Шиша, уже кое-то освоившая из ведьминых наук, сложила ладошки в трубочку и потянула в себя воздух — и опять, откуда ни возьмись, появился сильный осенний ветер, поднял с земли все рассыпанные листочки,

цветочки, стебелёчки и корешочки и красивым веером занёс их обратно на чердак.

Целебные растения снова лежали на чердаке — будто никто их и не трогал.

Шиша приоткрыла дверцу чердака и села погреться на солнышке. Бабушка в это время вышла подоить свою любимицу козу Розочку. Присела на скамеечку, подставила кастрюльку под козье вымя и давай доить. Бабушка доит, Розочка жуёт травяную жвачку, молочко густой струйкой течёт в кастрюльку.

— Это для Шиши! — шепчет на чердаке ведьмочка.

— Шиш тебе! — отвечает ей из зарослей лопухов кот.

— Для Шиши! Для Шиши, да, только для Шиши! — сердится Шиша.

— Шишшш тебе, — злобно шипит кот.

— Это ты, Васька, хулиган окаянный, там спрятался? — оглянулась бабушка на лопухи, в которых засел кот. — Ну-ка выходи оттуда сей момент! Ишь, какой хитрый, напакостил и спрятался! Кыс-кыс, — позвала бабушка кота.

Хотя бабушка и сердилась на кота за его выходки, она была доброй и быстро забывала про кошачьи проказы, а хитрый кот Васька это усвоил. Вот и сейчас, едва бабушка его позвала, кот тут же выпрыгнул из своего укрытия и начал тереться о бабушкины ноги, прося у неё прощения.

— Ну, ладно, ладно, прощаю тебя, — сказала бабушка добродушно. — Вот сейчас Розочку подою, и тебе молочка налью.

— И Шише молочка, — шепчет на чердаке голодная ведьмочка.

— Шишшш тебе, — шипит ей кот снизу.

Грустно стало Шише. Хоть и обижали её сестры, но самый вкусный кусочек поджаренного на костре мяса ей всегда до-

ставался, и большая кружка молока с кукурузной лепёшкой у Шиши всегда имелась. А вот сегодня Шиша целый день голодная, и никто не предложил ей покушать.

Тем временем бабушка закончила доить Розочку и пошла в избу, неосмотрительно оставив кастрюльку с молоком без присмотра. Шиша вмиг слетела вниз и, схватив кастрюльку, стала жадно пить молоко. А с другой стороны кастрюльки повис кот, крепко вцепившись в неё лапами. Шиша тянет кастрюлю к себе и, отпивая по глоточку, приговаривает:

— Это для Шиши молочко, только для Шиши.

А вредный кот висит на другой стороне кастрюли и орёт:

— Шиш тебе, Шишак, это моё молоко, мммяяаууу, караул!!!

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы на улицу не вышла бабушка. Шиша успела спрятаться в лопухи, и бабушка увидела только кота, который стоял на задних лапах, а в передних держал кастрюлю с молоком, будто заправский повар, только поварского колпака не хватало.

— Васька! Ты что это удумал? — ахнула бабушка.

В это время кот, потеряв равновесие, повалился на спину и кастрюлю, словно ушат в бане, опрокинул на себя. Бабушка же, где стояла, там и села — от такой невидали и кошачьего нахальства. А кот, весь мокрый, выскочил из-под кастрюли и бросился наутёк.

Бабушка долго не могла прийти в себя от наглой выходки кота. А пролитое молоко впиталось в землю. Бабушка опомнилась, когда кот уже шмыгнул под калитку, и только всплеснула руками: «Вот артист!» И зашла обратно в избу.

Шише опять стало жаль старенькую добрую бабушку, и она, выйдя из укрытия, подошла к тому месту, где пролилось молоко, подержала над этим местом ладошки, потом, сло-

жив их ковшиком, задержала над кастрюлькой — и из её ладошек прямо в кастрюлю полилось чистое, густое козье молочко. Шиша ведь всё-таки была ведьмочкой.

Бабушка вышла, чтобы взять кастрюльку. Взяла, да чуть не выронила из рук от изумления: кастрюлька была полна молока;

— Ох, да что же это такое со мной? Видно, старая совсем стала, вот и чудится всякое.

— Охохонюшки, — заохала бабушка и, взяв кастрюльку, пошла в избу.

Шиша подошла к Розочке, погладила её — и та напоила Шишу досыта молочком прямо из вымечка. И разрешила прислониться к своему тёплому меховому бочку. И у Шиши на душе сразу стало хорошо и покойно...

Мама посмотрела на засыпающую дочку, погладила Рыжика и повернулась к настольному фотопортрету в рамочке. С портрета на них всех весело смотрел симпатичный рыжий парень — Таюшкин папа.

— Что же мне делать? Непослушной растёт наша с тобой дочка. Уж очень шевбутная она, трудно мне с ней одной справляться... — вздохнула мама. — Был бы ты с нами, Витя, мне было бы куда легче...

Мама вытерла набежавшие слёзы, потушила свет и вышла из комнаты.

Таюшка открыла глаза, шмыгнула носом и проговорила, глядя на папин портрет в полумраке:

— Папочка, я обязательно научусь слушаться маму, а ты побыстрее найдись и приезжай к нам, ладно? — И, закрыв глаза, тут же уснула.

Утром Таюшка проснулась, когда мама была уже на работе. Она оделась, умылась, заплела косичку, и они с Рыжиком приступили к завтраку.

«Всё-таки это здорово — завтрак вдвоём», — подумала Таюшка, глядя, как Рыжик уплетает бутерброд с ветчиной; конечно, не полностью бутерброд, а лишь ветчину от него.

Попив чаю, они с Рыжиком сели на подоконник, потому что по маминей просьбе зашла соседка тётя Даша и строго-настрого запретила Таюшке выходить из дома:

— Сиди дома, бестолковка, пока не заживёт губа. А на улицу — ни шагу, иначе снова расшибёшься! — А когда Таюшка пыталась было заканючить, грозно прикрикнула: — Отставить разговоры! Приказы не обсуждаются!

Во дворе сегодня было совсем мало малышей: только трое играли в песочнице, да ещё четверо крутили карусель. На улице после вчерашнего дождя было довольно-таки прохладно, поэтому остальные дети сидели по домам и ждали, когда потеплеет.

Таюшка собралась уже слезать с окошка, но увидела, как из своего подъезда выбежала Маришка. Таюшка высунулась в форточку и закричала:

— Маришка! Маришка! Иди ко мне! — И назвала номер своей квартиры.

Маришка подняла голову и замахала руками в знак согласия. И Таюшка побежала открывать Маришке дверь. Едва перешагнув порог, Маришка выложила сногсшибательную новость:

— Ты знаешь, Тайка, вчера у Борьки кто-то украл породистого щенка, и он целую ночь искал его и не нашёл, а сейчас даже не хочет ни есть, ни пить, от всего отказывается, так переживает! — выпалила Маришка скороговоркой.

— У какого Борьки? — не поняла Таюшка.

— Да у того, который тебя бил, — напомнила Маришка.

— А разве у него был щенок? — удивилась Таюшка.

— Был. Да ещё какой: породистый, у него даже паспорт имелся.

— У кого паспорт? У собаки? — не поверила Таюшка.

— Ну да, у Борькиного щенка был свой паспорт, потому что он сильно породистый, — подтвердила Маришка.

— А может, щенок сам от него убежал? — предположила Таюшка. — Ведь этот Борька совсем не любит собак, он даже пожалел кусочек бутерброда для бродячего щенка.

— Нет, Борька любил своего щенка, он даже плачет сейчас, — сочувственно произнесла Маришка.

— Ну ладно, давай не будем спорить из-за этого Борьки.

— И Таюшка перевела разговор на другую тему: — А знаешь, какой у меня Рыжик прыгучий, пойдём с ним играть!

Они вбежали в Таюшкину комнату. Рыжик уже сладко дремал на ковре. Таюшка взяла кончик своей косички и провела им по кошачьему носу. Рыжик открыл один глаз, равнодушно посмотрел на косичку, а потом вдруг как вцепится в неё лапами! И повис на ней. Тут подскочила Маришка и, распутив обе свои косички, завертела ими перед Рыжиком. Котёнок, соскочив с Таюшкиной косички, схватил Маришкины, и пошла потеха. Рыжик летал по комнате, словно рыжая белка, — и по шторам карабкался, и на карнизе висел, и на этажерку запрыгивал, а уж с кровати на стол летал так, словно у него были крылья. Девчухи только визжали и втягивали головы в плечи. А Рыжик так разошёлся, что уже не понимал, где пол, а где потолок. А когда так хулиганят, то всегда случается беда. Разбушевавшийся Рыжик вцепился в скатерть на столе, повис на ней, скатерть сползла, папин портрет, стоявший на

столе, упал, и стекло разбилось. В комнате сразу наступила тишина. А в дверях стояла мама и, оказывается, уже давно наблюдала за ними.

— Мамочка, Рыжик нечаянно разбил стекло, — смущенно проговорила Таюшка.

— Рыжик не виноват, — сказала мама. — Зачем тебе понадобилось так его раззадоривать?

— Мы сначала хотели просто поиграть... Прости, мамочка, это я виновата, — сказала Таюшка и сама встала в угол.

— Ну хорошо, раз ты сама призналась, что виновата, я тебя прощаю. Иди успокой Рыжика, и мы с тобой сейчас поедem в клинику, где работает Борина мама.

И Таюшка побежала ловить носившегося по квартире Рыжика.

Маришка попрощалась и ушла домой. Мама подмела осколки стекла и, взглянув на портрет мужа, пропавшего без вести, опять погрустнела. А Таюшка никак не могла успокоить котёнка: только она начинала его гладить, как тот вырывался от неё как дикий или же норовил запустить в неё свои остренькие коготочки.

— Мам, Рыжик никак не ловится! — закричала оцарапанная Таюшка.

— А ты его не лови, а успокой: предложи ему колбаски или сырку, — посоветовала мама.

Таюшка дала Рыжику кусочек колбаски, Рыжик молниеносно проглотил его и тут же уснул, уютно свернувшись и подобрав под себя хвостик.

— Мам, а откуда ты знаешь, как успокаивать Рыжика? — удивилась Таюшка.

— Я это знаю, потому что у меня есть ты, — со вздохом ответила мама. — Ну-ка, давай-ка собираться, а то опоздаем

в клинику, и нас не примут.

Они собрались и вышли на улицу. Дул ветер-листобой, и мама поплотнее натянула Таюшке шапочку.

— Мам, а ты знаешь, что у Борьки был щенок породистый, и вчера он у него пропал, — сказала Таюшка весело.

— Я думаю, ты не будешь злорадствовать по поводу чужого горя, — строго остановила Таюшку мама. — Представь, что у тебя украдут Рыжика, что тогда ты будешь делать?

— Я тогда, наверно, сразу умру, — ответила Таюшка, не колеблясь.

— Не болтай глупости! — рассердилась мама.

— Но он же не любит собак, этот Борька, он даже кусочек бутерброда пожалел для бродячего щенка! — возмутилась Таюшка.

— Ты не права, Боря очень любил своего щенка, и ему сейчас очень плохо. И вообще Боря умный мальчик, будет замечательно, если вы с ним подружитесь.

— Фи! — сморщила нос Таюшка.

— Что это ещё за «фи»? — возмутилась мама, однако продолжать этот скользкий разговор не стала.

Когда они подошли к остановке, автобус уже стоял там, и пассажиры торопливо заходили в него. Зашли и мама с Таюшкой.

— Н-да, ещё немножко, и мы бы с тобой опоздали, — заключила мама, взглянув на наручные часики.

Они доехали до клиники, и там их приняли без очереди, как и обещала Борькина мать. Таюшу провели в специальный кабинет, где стояло много разнообразных приборов. Её посадили в кресло, подключили к её голове множество проводков и велели сидеть тихо и не вертеться. Таюшка покорно сидела и слушала, как все эти приборы сердито гудят.

— Ну вот, всё в порядке, никаких осложнений нет, — со-

к с. 14

Таюшка позвала: “кыс-кыс-кыс”, но ей никто не ответил. Тогда она на цыпочках (чтобы не спугнуть) подошла к подвальной дырке и снова позвала: “кыс-кыс-кыс”. Но больше никто не мяукал. Тогда она решила заглянуть за угол дома. И что же? Там сидел, прижавшись к стене, ярко-рыжий, встопорщенный, крохотный котёнок.

Подошедшая старенькая бабушка ахнула, увидев неподвижного петуха.

— Петенька! Что с тобой? — заголосила бабушка, думая, что петух сдох.

Однако едва она к ним подошла, петух и кот вскочили и помчались: кот в одну сторону, петух в другую.

общила Борькина мать и сняла с Таюшки проводки. — На этот раз всё обошлось, но ты уж, пожалуйста, больше так не дерись. Хорошо?

— Хорошо, — бросила на ходу Таюшка, выбегая в коридор к ожидавшей её маме.

Поблагодарив Борькину мать, они отправились домой. На дворе был уже вечер. По дороге они зашли в два магазина, мама купила хлеба и ещё что-то в коричневых обёртках. Едва они поднялись на свой этаж, как услышали протяжный вой Рыжика, доносившийся из их квартиры. Мама быстро отперла дверь, и они вбежали в квартиру. Рыжик орал где-то в Таюшкиной комнате. Таюшка побежала на его крик и, войдя в свою комнату, невольно расхохоталась: Рыжик висел высоко на тюлевой гардине с дикими от ужаса глазами и орал что есть мочи «мякакау!!!». На помощь подоспела мама: она встала на стул и отцепила перепуганного котёнка от тюля, попутно нахлопав его по мохнатой попке. Рыжик обиделся и, задрвав хвост трубой, покинул мамину комнату. И залез в самый дальний и самый тёмный угол под Таюшкиной кроватью. И только когда мама с Таюшкой сели ужинать, разобиженный господин Мякакау изволил вылезти из своего укрытия и присоединился к трапезе.

— Таюша, надо будет отучить его от лазанья по занавескам, — строго сказала мама.

Они поужинали, Таюшка посмотрела мультик, легла в постель и сразу же провалилась в сон. Продолжения сказки про Шишу в тот вечер не было.

Таюшка проснулась оттого, что перед её кроватью громко пищал Рыжик.

— Мяу! — старательно выводил он и тарасил на Таюшку

свои большие круглые глаза.

— Чего тебе, Рыжик, надо? — пробормотала Таюшка недовольным голосом и снова закрыла глаза.

Но Рыжик не отступал и пронзительно пищал до тех пор, пока Таюшка не поднялась с кровати.

— Ну чего тебе, Рыжик? Ты мне поспать не даёшь.

Но Рыжик ещё громче затянул «мяу», так что Таюшке поневоле пришлось встать окончательно и пойти за Рыжиком, бросившимся вон из комнаты. Рыжик шмыгнул на кухню, заскочил под обеденный стол и опять затянул своё тягучее «мя-я-у-у». Таюшка заглянула под стол: Рыжик сидел возле ножки стола и что-то выцарапывал из-под неё.

— Рыжик, что там у тебя? — Таюшка полезла под стол.

Причиной поднятого Рыжиком шума была всего-навсего половинка сосиски, которую он, играя, загнал за ножку стола и никак не мог вытащить сам. Таюшка помогла Рыжику изъять застрявшую сосиску, тот доел её и успокоился.

Ложиться обратно в кровать Таюшке уже не захотелось. Она умылась, надела

приготовленные мамой кофточку с юбочкой, позавтракала, выдала Рыжику мячик, чтобы тот не скучал, и побежала на улицу, накинув курточку и кое-как нацепив шапку. Выйдя на улицу, она остановилась, поражённая тем, что увидела. Карусель, на которой каталась малышня, была так искорёжена, будто кто-то пытался связать её узлом, песочница вся разгромлена, а песок развеян по всему двору.

— Тайка, Тайка, иди скорее сюда! — позвала Маришка.

Все малыши, ребята повзрослее и даже сами взрослые сидели на скамейках и молчали.

— Кто же это всё сделал? — спросила Таюшка.

— Мы тоже хотели бы знать, кто это у нас такой сильный, что даже железо корёжит, — ответил незнакомый дяденька, который стоял поодаль и разговаривал с Борькиным отцом. — Сегодня карусель и песочницу разворотили, а вчера вон все качели пообрывали.

— Кто этот дяденька? — шёпотом спросила Таюшка у Маришки, показывая на незнакомца.

— Это дядя Лёша. Он тоже был пропавший без вести, как твой папа, — сообщила осведомлённая Маришка. — А недавно этот дядя Лёша нашёлся, он был в плену у бандитов, и там его заставляли тяжело работать, — выпалила Маришка все подробности.

— Значит, и мой папа когда-нибудь вернётся, — с надеждой проговорила Таюшка.

— А ты возьми да спроси у дяди Лёши: может, он твоего папу встречал, — посоветовала Маришка.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Таюшка, подойдя к дяде Лёше.

— Здравствуй, дочка. Садись, посиди с нами. Знаю, вы с мамой поселились в этом новом доме. Вы, наверное, недавно в наш город приехали? — спросил он.

— Дядя Лёша, у Таи тоже папа, пропавший без вести, — выпалила Маришка.

— Дядя Лёша, вы не видели там моего папу? — подхватила Таюшка.

— А кто ж его знает, может быть, и видел, да я ж его не знаю, вы ведь из другого города к нам приехали. Вот такая петрушка получается, Тая... — невесело усмехнувшись, произнёс дядя Лёша и погладил Таюшку по спине.

— Да нет же, мой папа жил здесь, в этом городе, вон в том доме. — И Таюшка показала на дом, который ей, в свою очередь, показывала мама со словами: «В этом доме

жил твой папа».

Дядя Лёша окинул взглядом дом, на который указывала Таюшка.

— Ты чего, рыжая, пристала к моему отцу? — завопил Вовка, мальчишка, пинавший её по коленкам, когда Борька хотел отобрать у неё котёнка.

— Ну-ка, не ори на девочку! Что она тебе сделала плохого? — И дядя Лёша отвесил Вовке подзатыльник. — Ещё раз гавкнешь на неё, получишь дома трёпку, — пообещал он. Потом, повернувшись к Таюшке, спросил: — А как звали твоего папку?

— Дядя Витя, — ответила Таюшка.

— Один Витёк жил у нас в том доме. Рыжий Витёк, — нахмурился, вспоминая что-то, дядя Лёша. — А как, дочка, полностью звали твоего папку?

— Виктор Сергеевич Лужин, — ответила Таюшка. — Там ещё жила папина мама, но её уже нет. А когда мы приехали, нас с мамой не пустили в ту квартиру, сказали, что там живёт законный родственник, и тогда мама купила квартиру в новом доме. Это папа просил, чтобы мы переехали сюда, в его город, когда ещё бабушка живая была, а когда мы приехали сюда, то бабушки уже не стало, — закончила свой сбивчивый рассказ Таюшка.

— Слышь, Коль, что она рассказывает? — повернувшись к Борькиному отцу, спросил дядя Лёша.

— Слышу, да не верю. Ведь её мать приходила к нам, когда они с Борькой подрались, так она другую фамилию называла, — недовольно проговорил дядя Коля.

— Кто подрался? Так это тебя, что ль, наша шпана тогда побил? — дядя Лёша внимательно посмотрел на Таюшку.

— Так ведь, рыженькая, а?

— Тая, а какая у твоей мамы фамилия? — спросил дядя

Коля.

— Лужина. И я тоже Лужина. И мой папа тоже был Лужин.

— Мать этой рыженькой, наверно, узнала, к кому идёт, и постеснялась назвать Витькову фамилию, — качая головой, проговорил дядя Лёша. — Ай-ай, нехорошо-то как вышло. Выходит, наши сыновья отлупили Витькову дочку. Как будто мы нашего Витька отлупили...

— Да, вышло как-то по-предательски, — вздохнул дядя Коля. — Ну, я своего Борьку тогда выпорол ремнём, и после этого он убежал на улицу и там потерял щенка.

— А я своего Вовку ещё выпорю. Просто я не знал, кого они тогда отлупили, думал, между собой подрались.

— Тая, а почему вы с мамой не живёте в папиной квартире? Почему купили новую? Ведь у твоего папы была очень хорошая квартира, — спросил дядя Коля.

— Потому что, когда бабушка померла, то мамина мама поехала узнать насчёт папиной квартиры, и ей сказали, что в ней живёт законный родственник, — поведала Таюшка. — И тогда мама купила вот эту нашу квартиру, чтобы было хотя бы недалеко от папиного дома.

— Законный родственник? — дядя Коля удивлённо вскинул брови и переглянулся с дядей Лёшей. — И кто же это?

Дядя Лёша недоуменно пожал плечами.

— Тая-Таюшка-Таюша... Таисия Викторовна Лужина... — задумчиво вымолвил дядя Коля, нежно прижав Таюшку к себе. — Ты, Таюшка, умная девочка, — проговорил Борькин папа после паузы, — ну, а папины фотографии у вас есть?

— Есть, и даже портрет на столе стоит, вот только Рыжик нечаянно стекло на портрете разбил, — пожаловалась Таюшка.

— Какой такой Рыжик?

— Мой котёнок. Ой, мне надо идти домой, а то Рыжик ещё что-нибудь натворит, и мама расстроится, — засуетилась Таюшка, вспомнив данные маме обещания.

Но дядя Коля не дал ей шагу ступить. Он взял Таюшку на руки и сам понёс её домой, а следом за ними устремился дядя Лёша.

— Слышь, Коль, без хозяйки как-то нехорошо заходить...

— Да мы только Витькову дочку проводим домой, — охрипшим голосом проговорил дядя Коля.

Они подошли к Таюшкиной квартире и тут же услышали протяжный кошачий вой.

— Это Рыжик кричит, — пояснила Таюшка, вытащила из-под кофточка висевший на тесёмке ключ и вставила в замок.

Они вошли в квартиру и обнаружили, что Рыжик повис на карнизе, воя на одной ноте.

— Прямо циркач ваш кот! И как это он умудрился туда залезть? — удивился дядя Лёша и, встав на стул, освободил Рыжика.

Рыжик хрипло мякнул в знак благодарности и уполз под диван.

Таюшка вспомнила, как подобает вести себя гостеприимной хозяйке, и любезно пригласила дядей в свою комнату:

— Проходите, садитесь, пожалуйста.

Но садиться они не стали. Взгляд их сразу же упал на портрет папы Вити, стоящий в рамочке на столе. Дядя Коля печально вымолвил:

— Ну, здравствуй, Витёк, вот и встретились...

Мужчины стояли перед портретом, низко опустив головы, и молчали. Потом дядя Лёша смерил рамочку и сказал:

— Мы сюда такое стёклышко вставим, что ни один Рыжик не сумеет разбить.

— Надо как-то узнать, что за родственник поселился у Витька в квартире, и, если что, шугануть его оттуда, — предложил дядя Коля. И вдруг из его глаз покатались слёзы.

— Ты что, Колян? При ребёнке-то зачем? — И дядя Лёша хлопнул друга по плечу. — А помнишь, как мы Витька в школе, в первый раз... Ох, как он нам тогда наподдавал!

— Разве вы знали моего папу? — удивлённо спросила Таюшка.

— Знали... — одновременно ответили мужчины.

— Ладно, Таюшка, закрывай двери, мы уходим. И никому, кроме мамы, не открывай! Поняла? — предупредил дядя Коля, и они ушли.

Едва затих звук их шагов на лестнице, как в прихожей снова раздался звонок. «Это, наверно, мама», — подумала Таюшка и побежала открывать. Но это была не мама, а соседка тётя Нина.

— Таечка, мне позвонила твоя мама и попросила накормить тебя обедом. Не успела она обед состряпать. Думала в обеденный перерыв вырваться домой, да не вышло. Пойдём, миленькая, у меня пообедаешь, я и тебя накормлю, и вашего Рыжика. Бедная Светочка, разрывается между работой и дочкой, — посетовала сердобольная тётя Нина, — хоть бы бабушка приехала посидеть с внучкой.

Таюшка поймала Рыжика, и они отправились обедать к тете Нине. Таюшка с аппетитом хлебала густой наваристый борщ, а Рыжик, наевшись, кусал за уши тётенькину кошку, не давая той подремать после сытного обеда.

— Таечка, если тебе хочется отдохнуть после обеда, можешь у меня на тахте полежать, а то что ты дома одна будешь? — предложила Таюшке тётя Нина, и Таюшка тут

же согласилась.

Она не заметила, как задремала, а потом по-настоящему уснула. А проснулась оттого, что Рыжик с тётень-Нининой кошкой устроили крупную кошачью разборку и подняли жуткий шум-гам.

— Вот паршивцы, не дали девочке поспать! — заругалась тётень Нина на кошек.

За окном уже собирались ранние осенние сумерки.

— Тётень Нин, я, пожалуй, пойду домой, а то скоро вернётся мама с работы, — сказала Таюшка и, поймав Рыжика, ушла к себе.

Рыжик заметно обрадовался, очутившись в Таюшкиной квартире, — котёнок уже успел привыкнуть к своему дому. Котёнок и девочка сели на подоконник и стали терпеливо ждать маму с работы, попутно наблюдая за жизнью во дворе. И за этим занятием даже не услышали, как мама зашла в квартиру.

— Таюша, мы с тобой сейчас поужинаем и попьём чаю с печеньем. Я купила две пачки вкусного-превкусного печенья.

— А ты мне отдашь обёртки от печенья?

— Непременно отдам, подожди, вот только пересыплю печенье в вазочку, — сказала мама.

Таюшка взяла яркие обёртки от печенья и побежала прятать их в свои игрушки. И тут раздался звонок в передней.

— По-моему, к нам гости, Таюша. Только вот кто? — гадала мама. — Может, бабушка приехала? Я её просила приехать, чтобы она за тобой присмотрела.

— Но, мамочка, ты же знаешь, что бабушка, во-первых, не любит кошек, а у нас теперь Рыжик, а во-вторых, она должна ухаживать за дедушкой, — рассудительно сказала Таюшка.

В передней настойчиво звонили, и мама пошла открывать. Она отперла дверь, и — вот неожиданность! — к ним припожаловало сразу четверо нарядных и сияющих гостей. Впереди стоял Борькин папа и широко улыбался:

— Светлана Николаевна! Света! Ну почему вы не сказали, что вы Лужина? Что вы жена нашего Витька? Признайтесь? Вы ведь знали уже, что идёте к Витькову другу, а специально назвали другую фамилию.

— Да, я знала, к кому иду. Мне Витя очень много про вас рассказывал, я знала и про вас, Николай, и про Алексея. Но как бы я вам тогда сказала, что я Лужина? Я же к вам тогда ругаться приходила, разбираться насчёт недостойного поведения вашего Бори. Было как-то неудобно признаваться, что я Лужина. Вот и назвала свою девичью фамилию. Да, а сейчас-то как вы узнали, что я жена Виктора?

— А мы сегодня во дворе познакомились с Таюшкой поближе. Когда она начала рассказывать про своего папку и мы поняли, что это наш Витёк, у нас с Лёхой чуть сердце не разорвалось. Мы верили и не верили... Вы уж извините нас, но мы без вашего ведома сегодня побывали в вашей квартире, нас Таюшка пригласила. Для нас её рассказ был как гром среди ясного неба. Мы ведь даже не знали, в каком городе наш Витёк женился и на ком. Слыхали только, что у него родилась дочка. Ждали-ждали, думали, что приедет с женой и дочкой, хотели своими жёнами и сыновьями похвастаться, а вон как вышло...

— Ну что же мы стоим в прихожей? Пожалуйста, проходите к столу. У меня, правда, ничего не приготовлено к приёму гостей, но я сейчас быстренько приготовлю... Вы уж извините меня, что вот так всё вышло. Я мигом... Я и сама мечтала, что, когда приеду в Витин город, обязательно разыщу вас. Ведь Виктор так просил меня об этом, — проговорила мама

и неожиданно села как подкошенная на обувную тумбочку и заплакала.

— Мамочка, не плачь, папа обязательно найдётся, — стала успокаивать маму Таюшка, — вон дядя Лёша тоже был пропавшим без вести, а потом нашёлся. Правда, дядя Лёша?

— Конечно, Таюшка, обязательно найдётся твой папка. Не такой наш Витёк, чтобы просто так пропасть.

— Найдётся, найдётся, мой папка обязательно найдётся! — воодушевилась Таюшка и закружилась в танце, задевая поочерёдно всех гостей.

— Беда мне с ней, растёт непослушной, всё время с мальчишками в драку лезет, не понимая, что они ей наподдадут. Мама как в воду глядела, говорила, что наплачусь я с этой шалуньей, — всхлипывая, пожаловалась Светлана.

— Не волнуйся, Света. Ведь Витёк тоже в детстве был таким: и дрался, и упрямился. Помнится, в первом классе учительница пыталась заставить Витьку поднять с пола мел. А он так и не поднял, упёрся: не ронял мел, и всё тут! Время урока истекло, а мел как лежал на полу, так и остался лежать. Помнишь, Коль? Ох, сколько пережила тогда тётя Вера, Витькова мать! Витьку даже к психиатру направили, правда, всё обошлось: психиатр сказал, что мальчик просто упрямый, и посоветовал побольше внимания уделять его воспитанию, — ударился в детские воспоминания дядя Лёша.

— А знаешь, Свет, ведь это у Витьку как-то внезапно возникла такая идея — привезти невесту из другого города, — сказал дядя Коля. — Он собрался и уехал. Мы тоже тогда рванули жениться: я свою Людку из медицинского института взял, а Лёха свою Юльку из педагогического выманил. Сразу две свадьбы сыграли. И всё Витьку с молодой женой ждали к свадьбе, а вы так и не приехали. И мы с Лёхой тогда решили:

приедут — отлупим! В шутку, конечно. А получилось, что наши сыновья Витькову дочку отлупили, да ещё как всерьёз! Чуть не покалечили девчужку.

— Мы тогда не могли приехать: я была на четвёртом курсе экономического, а в вашем городе такого института нет, и Витя ждал меня, пока я закончу учёбу. Денег у нас тогда было мало, вот он и вертелся, зарабатывая и на себя, и на меня. А потом, на последнем курсе, я уже ждала Таюшу. И меня прямо с госэкзаменов увезли в роддом. Все шутили: «Диплом в руки и дочку на руки!» Таюша родилась всего два четырёхста и слабенькая, всё-таки сказало моё нервное напряжение. Потом она часто болела, и мы не рискнули везти ребёнка в другой город, думали, пусть подрастёт. А когда Таюше исполнилось десять месяцев, Витю забрали на военную службу. И отправили в горячую точку... А когда Таюше стукнуло два годика, пришло извещение, что Витя пропал без вести... — И Таюшкина мама замолкла, не в состоянии остановить бегущие по щекам слёзы.

Гости сидели притихшие. Думали в эту минуту, что вот она, эта встреча, состоялась-таки. И каждый представлял эту встречу на свой лад, но, конечно уж, не такой.

— Таюша, пойдём приготовим что-нибудь. Нельзя же гостей слезами угощать, — обратилась мама к Таюшке.

— Да ладно, Света, пусть она сидит, мы тебе сами поможем, — сказала тётя Люда, и гости сразу же зашевелились, прошли на кухню, затащили туда пакеты, полные провизии, и в одну минуту на столе выросла целая гора всякой всячины.

— А это, Таюшка, тебе. — И дядя Коля подал Таюшке большую коробку, в которой покоилась богато разодетая кукла, похожая на Маришкину красавицу, из-за которой во дворе произошёл тот досадный конфликт.

— А это от нас с тётей Юлей, — сказал дядя Лёша, по-

давая ей упаковку, где оказалась настоящая Барби.

— Вы уж её не балуйте, — смущённо улыбаясь, сказала мама.

— Да это мы купили ещё тогда, когда услышали от тёти Веры, что у Витька родилась дочка. Но вместо того, чтобы спросить ваш адрес да связаться с вами, разобиделись. У нас, у дураков, мозгов не хватило, чтобы сообразить, что у вас имелись особые обстоятельства, потому Витёк и не приехал и на связь не выходит, — виновато проговорил дядя Лёша.

— И я вам сейчас кое-что принесу, — сказала Таюшкина мама, пошла в свою комнату и вынесла оттуда две затейливых погремушки и два футбольных мяча. — Витя тоже о вас не забывал. Когда узнал, что у вас родились сыновья, то купил сначала вот эти погремушки, а потом две машины. Но Таюша добралась до машин и основательно покаталась на них, так что от машин вскоре ничего не осталось. А вот футбольные мячи удалось сохранить. Витя хотел при встрече вручить эти подарки, да, видно, мне такая честь выпала, — невесело улыбнулась Таюшкина мама, вручая подарки гостям.

— Ну, нам эти погремушки ещё пригодятся, — хохотнула тётя Люда, тряся погремушками. — Правда ведь, Юль?

— Безусловно! — засмеялась та.

— Ну, тогда за встречу! — сказал дядя Коля.

За столом невольно повисла тишина.

— Только бы узнать: живой ли Витя? — горько вздохнула Таюшкина мама.

— Ничего, Светлана, я все силы приложу, но найду Виктора, живого или... — дядя Коля запнулся.

— Да, совсем забыла, недавно я получила письмо из Америки, мне написал его один миротворец. Он случайно прочёл моё письмо в газете и ответил мне, что тоже был в плену и сидел с одним русским парнем, только вот фамилию

точно не запомнил: то ли Дужин, то ли Гужин, точно не помнит, а вот то, что парень был рыжим, это миссионер помнит точно. Сейчас принесу. — И Таюшкина мама ушла в комнату за письмом.

Дядя Лёша, вскочив, побежал за ней и сам вынес оттуда письмо. Все впелись глазами в белый листок.

— Ну что там дальше пишет этот миротворец? — нетерпеливо спросил дядя Коля. — Пишет, что его потом освободили свои, а тот русский остался в плену. Главное, что он дал координаты того места, где они были. Я тут же понеслась с этим письмом в здешний военкомат, попросила, чтобы они проверили эти данные и начали розыск, но майор сказал, что всё это непросто, что надо обождать... — проговорила, плача, Таюшкина мама.

— Отдай-ка мне, Света, это письмо. Я уже немного знаком с этой процедурой: вон Лёху пришлось выкупать как какого-то раба, — зло проговорил дядя Коля.

Он дрожащей рукой взял письмо и начал читать. Все сгрудились вокруг него и молча вглядывались в строчки письма.

— Судя по адресу, это где-то в горном районе, — задумчиво проговорил дядя Лёша.

— Где бы это ни находилось, хоть у самого Аллаха, я всё равно доберусь! Деньги для этих шакалов всё на свете затмили, за деньги они готовы кого угодно продать!

— Не все, Колян, там такие, — возразил дядя Лёша. — Есть и похуже. Есть такие, которым сладко видеть чужое горе, это им как бальзам на душу. При мне одного человека до сумасшествия довели. Приехали его выкупать, так они его привели, показали, что его выкупают, и наотрез отказались отпускать. После чего этот бедолага потерял разум. И когда он лишился рассудка, знаешь, что они потом сделали с ним?

Отпустили в горы! Либо зверью на съедение, либо под первую пулю. Вот так-то...

— Изуверы... Нелюди... — прошептала Таюшкина мама.

— Мерзавцы! Подлецы! — эхом отозвалась тётя Люда.

А тётя Юля положила руку на плечо Таюшкиной мамы:

— Не волнуйся, Света, у тебя всё будет хорошо.

— Господи, сколько писем я наотправляла за эти три года! И в какие только инстанции не обращалась... И с этим адресом ходила в военкомат... И всё безрезультатно... — зарыдала Таюшкина мама.

— Не плачь, Света, по-моему, это действительно наш Рыжий нашёлся, — с надеждой произнёс дядя Коля. — А уж как расшевелить инстанции и поторопить военкомат, я знаю.

— Но ведь рыжих на свете много, может, это и не наш Витя? — высказала сомнение Таюшкина мама.

— Ну хоть такая зацепочка есть, всё же лучше, чем никакой. — И дядя Коля сменил тему разговора: — Света, ты не знаешь, какой такой законный родственник поселился в Витьковой квартире после смерти тёти Веры? Насколько нам с Лёхой известно, у Виктора с матерью никаких родственников не было, кроме троюродной тётки, которая умерла лет так пятнадцать назад.

— Не знаю, кем этот родственник доводится Вите. И я даже на похоронах свекрови не была. Таюшка тогда слегла с тяжёлым гриппом, так что хоронить свекровь ездила только моя мама. А когда мама вернулась, сказала мне, что на квартиру свекрови претендует законный родственник. Я, приехав сюда, пыталась поговорить с этим родственником, но он меня даже слушать не пожелал, да ещё непечатно обозвал.

— Лёха, мы с тобой завтра же должны всё разузнать!

— Какой разговор, Колян? Всё узнаем! Железно!

— А вот эту квартиру мы с дочкой купили на Викторовы деньги, — продолжила Света. — Виктор в конце концов нашёл прибыльную работу и до своего ухода в действующую армию успел заработать солидные деньги. И взял с меня слово, что мы с дочкой непременно переедем в его город. И чтобы я обязательно отыскала там вас.

— Мапочка, это я их нашла! — радостно воскликнула Таюшка.

Все засмеялись, а мама Света охнула, посмотрев на дочь, у которой вся мордашка была перепачкана шоколадом, а в каждой руке было по пригоршне шоколадных конфет.

— Тая, это что такое? Ну-ка положи конфеты на стол! Они же растают у тебя в руках, и ты испачкаешь светлый костюм дяди Коли, — возмутилась мама.

— Ну-ка, испачкай меня поскорее, егоза! — И дядя Коля прижал к себе вихрастую головёнку с золотой косичкой.

— Ох, Николай, не потакай ей! Она же у меня и так своевольная растёт, скоро с ней никакого сладу не будет, — испугалась Таюшкина мама.

— Таюшенька, а зачем тебе столько конфетных обёрток? — спросила тётя Юля.

— Я буду куклам карнавальные костюмы делать, — похвалилась Таюшка, — и мы с Маришкой устроим куклам карнавал.

— Это не ты ли у Маришкиной куклы ногу оторвала? Ко мне тогда прибежала Маришкина мать и спрашивает: «Юль, ты не знаешь, что это за шлопутную девчонку к нам привезли? Такая разбойница! У Маришкиной куклы ногу оторвала и к себе унесла!» Я тогда ещё удивилась этому.

Гости засмеялись. Потом взрослые ещё о чём-то бесе-

довали, а Таюшка сидела на коленях у дяди Коли и дремала. Уже совсем сонную Таюшку мама раздела, умыла, уложила в кроватку, и Таюшка сразу провалилась в здоровый крепкий сон. Она не слышала, сколько ещё сидели у них гости и когда они ушли. Таюшка крепко спала, и ей снилась своенравная ведьмочка Шиша.

Утром, как всегда, её разбудил Рыжик: он ловил Таюшкины пальчики, выглядывающие из-под одеяла.

— Рыжик, я спать хочу, — захныкала Таюшка и сбросила котёнка на пол.

Но Рыжик снова заскочил на неё, и Таюшка опять его сбросила. Тогда Рыжик начал скакать по Таюшке, как резвая лошадка. Таюшка села, и сон быстро пропал. Она оделась и пошла на кухню. Там, на столе, прикрытый салфеткой, Таюшку ждал кусок торта. Она тут же съела его, выпила чай, оставленный мамой в термосе, и, натянув в спешке курточку и забыв про шапку, выскочила на улицу. Возле крыльца дворничиха неспешно подметала асфальт. Таюшка так и замерла от удивления, увидев вместо искорёженной карусели новенькую, ярко раскрашенную, на которой уже весело крутилась малышня.

— Это ваши родители ночью всё отремонтировали, — пояснила дворничиха. — Сагинов-то Николай откуда-то всё привёз, и все вместе ставили, и твоя мать тоже с ними была.

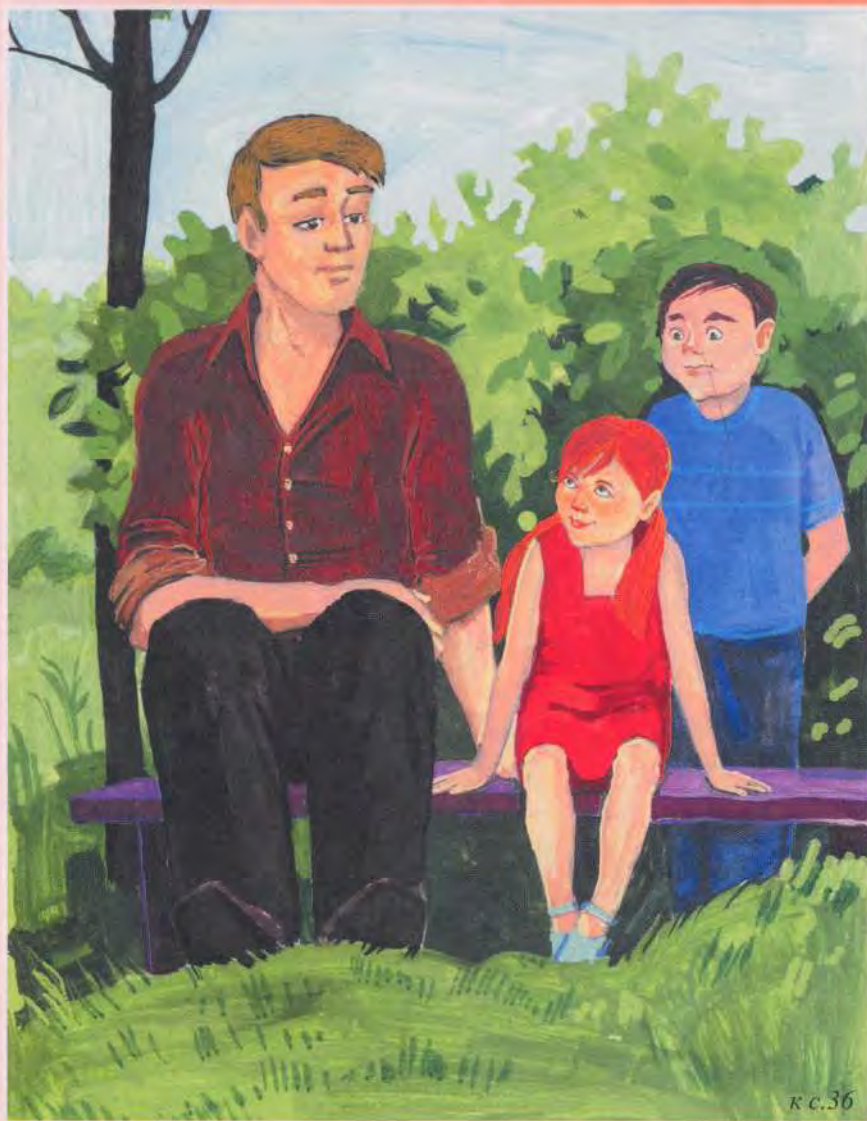
— А качков из соседнего двора, что тут напакостили, Николай так приструнил, что впредь неповадно будет чужие железки гнуть! Пусть свои штанги узлами завязывают, а к нам не суются! — добавила дородная мамаша с коляской.

— Чего стоишь как просватанная? — спросила двор-

Рыжик так разошёлся, что уже не понимал, где пол, а где потолок. А когда так хулиганят, то всегда случается беда. Разбушевавшийся Рыжик вцепился в скатерть на столе, повис на ней, скатерть сползла, папин портрет, стоявший на столе, упал, и стекло разбилось. В комнате сразу наступила тишина.

— А как звали твоего папу?
— Дядя Витя, — ответила Таюшка.
— Один Витёк жил у нас в том доме. Рыжий Витёк, — нахмурился, вспоминая что-то, дядя Лёша. — А как, дочка, полностью звали твоего папу?

ничиха остолбеневшую Таюшку. — Иди катайся. Видишь, все катаются.

Таюшка с разбегу заскочила на карусель и с удовольствием прокатилась. Тут она увидела сидящего на скамейке грустного Борьку, соскочила с карусели, несмело подошла к нему и заговорила:

— Привет! Как дела?

— Привет, — буркнул Борька.

— Щенок так и не нашёлся? — участливо спросила Таюшка.

— Нет, — огорчённо вздохнул Борька.

— А ты помнишь, где ты его потерял? Ну, в каком месте? Где ты с ним сидел или ходил в последний раз? — уже смелее заговорила Таюшка.

Борька наморщил лоб, что-то вспоминая. К ним подошёл дяди-Лёшин Вовка и восхищённо затанул, показывая взглядом на карусель:

— Во здорово! За одну ночь, как настоящие волшебники, всё сделали!

— Да погоди ты, — оборвал его Борька и снова наморщил лоб.

Таюшке очень хотелось показать Вовке язык, но она сдержалась: ей совсем не хотелось огорчать симпатичного дядю Лёшу, а ведь Вовка наверняка наябедничает на неё отцу.

— Вовк! — обратился к нему удручённый Борька. — Ты не помнишь, где мы последний раз сидели, когда потерялся щенок?

— Дух, что ли? — спросил удивлённо Вовка. — Твой щенок Дух?

— Ну, а какой же ещё? — рассердился Борька. — Соображаешь хуже любой девчонки.

— Сначала мы сидели здесь, а потом пошли вон туда,

где дядьки в киоске водку покупают, — обиженно сказал Вовка и сел на скамейку.

— Пойдёмте туда скорее, может, там кто видел, куда этот щенок Дух убежал или кто его взял, — крикнула Таюшка, и они побежали. — А какой он из себя, этот щенок Дух? — обернулась она к ребятам на ходу.

— Долматинец, белый с черными пятнышками.

— А, я такого по телевизору видела, — вспомнила Таюшка.

Вовка почему-то фыркнул и зажал рот рукой. Таюшка всё-таки не удержалась и треснула Вовку по шее.

— Если будете драться, я пойду один искать щенка, — пригрозил Борька.

— А чего она руки распускает? — возмутился Вовка.

— Скажите, пожалуйста, вы не видели здесь нашего щенка? — выпалила Таюшка, подбегая к скамейке, на которой сидели мужики и пили водку, занюхивая одной луковицей на троих.

— Пошла вон, сопля! — рыгнув, рывкнул один из них.

— К-к-акого щ-щ-щенка? — икая, спросил второй и, качнувшись, встал. — Какой щенок? Кто щенок?

Ребятня испуганно попятилась. Сели на соседнюю скамейку.

— Скажите, вы не видели тут нашего щенка? — спросила Таюшка у продавщицы киоска. — Он такой белый в чёрных пятнах, долматинец.

— Делать мне больше нечего, как только за вашими собаками смотреть, — проворчала продавщица.

— Глаша, чё им от тебя надо? — подошёл к киоску, шатаясь, грязный мужик.

— Да вот какого-то щенка спрашивают, — недобро зыркнув на ребят, ответствовала продавщица.

— Щенка? Какого ещё щенка? Сама ты щенок, вали отсюда! — И мужик больно пнул Таюшку. — Глаша не берёт чужих щенков!

Таюшка села на скамейку, потирая ушибленную ногу. Борька схватил комок глины и хотел швырнуть его в дядьку. Но Таюшка, протестуя, вцепилась в Борькин рукав:

— Не надо, Боря, а то мы так совсем щенка не найдём.

— Ребята, я видела, кто вашего щенка взял, — вдруг произнесла девочка, стоявшая поблизости и прогуливавшая добермана.

— Кто? — сразу же вскочил Борька.

— Дядька, который всё время валяется под забором, он вон из того подъезда. Но вам самим лучше туда не ходить, — добавила девочка, взглянув на уже приготовившегося бежать Борьку, — надо позвать кого-нибудь из взрослых. Ведь этот дядька может и не отдать вам щенка, а наоборот, спрячет его подальше.

Борька припустил домой, Вовка с Таюшкой — за ним. Они вбежали в квартиру Сагиновых. Борька, едва переступив порог, сразу же схватил телефонную трубку и, переведя дух, заорал:

— Папа, папа, Дух нашёлся, я знаю, у кого он!

Дядя Коля что-то ответил Борьке, и Борька, шмыгнув носом, опять вылетел из квартиры. Ребята устремились за ним.

Вскоре к Борькиному подъезду подъехала машина, и из неё вышел дядя Коля с каким-то незнакомым мужчиной, высоким и худым. Борька кинулся усаживаться в машину, но дядя Коля перехватил его и посадил на скамейку:

— Если хочешь, чтобы я вернул щенка, сиди здесь и никуда не ходи сам, понял? Скажи лучше, кто он, этот похи-

титель щенков, и в каком доме живёт?

— Это дядька, который всё время валяется пьяный под забором, он живёт в доме рядом с киоском, где продают водку.

— Догадываюсь, о ком речь. Это мой старый знакомец. Одно время он даже учился с нами в одном классе, пока в очередной раз не остался на второй год, — поморщился дядя Коля.

Взрослые ушли. Ребята остались сидеть на скамейке и ждать. Время тянулось бесконечно медленно.

— Таечка! Иди домой! Звонила твоя мама и попросила, чтобы я проследила за твоим обедом, а то ты опять ничегошеньки не съешь! — прокричала в окно тётя Нина и поторопила, видя, что Таюшка не спешит: — Таисия, ну-ка иди домой живо, кому говорят! Иначе я твоей матери пожалуюсь!

Таюшка встала и нехотя поплелась домой.

— Мой руки и садись за стол. Рыжику я уже дала покушать, — проговорила тётя Нина, наливая в тарелку вкусно пахнущий грибной суп.

Таюшка принялась поспешно есть.

— Ты куда так торопишься? — удивилась тётя Нина.

Не ответив, Таюшка быстро доела суп и сорвалась с места, уже на лестнице натягивая куртку.

— А тефтели с гречкой? А кисель? — крикнула ей вслед тётя Нина, но Таюшки уже и след простыл.

Скамейка, где сидели мальчишки, была пуста, все разбежались по домам обедать. Таюшка покрутилась немного на карусели и уже хотела идти в соседний скверик — вдруг там что-нибудь интересное? — но увидела, что к ней подходят дядя Коля и высокий худой мужчина, приехавший с ним на машине.

— Ну что, Таюшка, уже пообедала? — спросил он.

Таюшка утвердительно кивнула.

— Хочешь пойти с нами посмотреть квартиру, где жил твой папа?

— Хочу! А щенка Духа вы уже забрали? — поинтересовалась она.

— Духа я завтра вызволю, а сейчас идём с нами. — Он взял Таюшку за руку, и они все вместе пошли на квартиру Таюшкиного папы.

— А документы у них в порядке? — спросил худой мужчина. — Я имею в виду регистрацию брака и свидетельство о рождении.

— Да ты что, Виктора не знаешь? Всё у них в порядке. И вот живая копия папы, — засмеялся дядя Коля, приобняв Таюшку.

— Это я так, для формальности, — отвечивал худой. — А девица и впрямь копия Виктора.

Они отыскивали нужную дверь, и дядя Коля позвонил. Однако за обитой кожей дверью было тихо.

— Может, здесь никого нет? — предположил худой.

— Если бы никого не было, квартира была бы опечатана, ты сам это прекрасно знаешь. Эй, кто-нибудь! — И дядя Коля забарабанил по коже кулаком. В квартире раздалось шарканье, лязг отпираемого замка, и через цепочку выглянул низенький лысый мужичок.

— Вам кого, граждане? — недовольно спросил он.

— Ба, знакомые всё лица! Здорово, родственничек! А я-то думаю-гадаю, кто это в Витьковой квартире окопался?! А это ты, дорогой родственник, седьмая вода на киселе! — проговорил дядя Коля металлическим голосом. — А ну впусти!

— Ты, Сагинов, на себя много не бери, а то и на тебя управа найдётся. Я по закону здесь прописан, на то в ЖЭКе

справка имеется. Вот так-то, Сагинов! — запетушился мужичок, однако откинул цепочку и позволил зайти в квартиру.

— Извините, гражданин, как ваша фамилия? — спросил худой.

— Жеребчиков, — подсказал дядя Коля, ухмыляясь.

— Только не Жеребчиков, — завозмущался лысый.

— Моё фамилие Жеребков, я муж покойной тётушки Виктора, ныне тоже покойного.

— Чего? — взревел Сагинов.

— Да, да, ныне покойного Виктора Лужина, моего незабвенного троюродного племяша, — притворно всхлипнул лысый.

Дядя Коля занёс над лысым свой мощный кулак.

— Подожди, Николай, надо разобраться, — осадил его худой. — Гражданин Жеребков, у вас есть дарственная на эту квартиру? Или завещание составлено на ваше имя?

— А вы, собственно, кто такой будете, господин хороший? — фыркнул Жеребков.

— Я адвокат, веду в районном суде спорные имущественные дела, моя фамилия Гротов, — представился мужчина и вытащил из кармана удостоверение. — И я тоже однокашник Лужина. А что, разве на Виктора пришла похоронка?

— Не совсем так, почти что похоронка, он пропавший без вести.

— Так, может, он ещё вернётся. И притом его жена приехала в наш город, и они с дочерью являются прямыми наследниками этой квартиры.

— Это ещё надо доказать, что она его жена! Виктора-то уж давным-давно на войну забрали. Военно-полевая жена, что ли? И дочку ему в короткий срок сбацила? — А что, дурное дело нехитрое, — съязвил лысый, а дядя Коля сжал кулаки и заскрежетал зубами.

— Кстати, вот его дочь, посмотрите-ка сами, на кого она похожа. — И адвокат указал глазами на Таюшку.

— Да не может быть, чтоб у Витьки был такой большой ребёнок! Рыжих на свете много, что, всех Витька заделал? — съехидничал лысый и тут же отлетел в угол, отброшенный сильным кулаком дяди Коли.

— Гражданин Жеребков, как к вам попала эта квартира? На каком основании вы в неё вселились? — строго спросил адвокат у Жеребкова.

— На том основании, что я её купил! — проорал лысый, скривившись и держась за зашибленный бок. — Сагинов вон полгорода скупил, и с него никто ничего не спрашивает, а я только эту паршивую квартиру, и меня, честного человека, начинают мордовать.

— Тогда покажите купчую, — потребовал адвокат.

— А вот вам купчая!!! — взвыл Жеребков и, вскинув руки, показал две фиги. — Может, мне жить негде!

— А где же твоя четырёхкомнатная квартира, чёртов боров? — удивлённо спросил Сагинов.

— А в ней моя супруга проживают-с!

— Что же, твоя супруга такая здоровенная, что сразу все четыре комнаты занимает и тебе, бедному, угла там нет? Ну хватит, кончай базар! Если ты сам не уберёшься из этой квартиры, я вытравлю тебя отсюда, как таракана! Ты понял меня?! — И, отвернувшись от лысого, дядя Коля взял Таюшку за руку. — Пойдём, Таюшка, я покажу тебе комнату твоего папы. — И открыл боковую дверь. И удивился: — Надо же, Витьковы вещи остались, как при нём! Не успел боров тут похозяйничать. Вот и славно!

Таюшка вошла и с любопытством оглядела комнату: кровать, письменный стол, полки с книгами, на стене две картины с лесом и речкой и две большие фотографии: одна

бабушки, папиной мамы (такую же точно фотографию она видела дома в альбоме), а другая какого-то паренька. Таюшка пригляделась:

— Ой, да это же папка в молодости!

— Верно, это твой папка. Здесь он сфотографирован, когда школу заканчивал, совсем ещё мальчик. На, посмотри поближе.

Дядя Коля снял портрет со стены и подал Таюшке.

Та взяла портрет в руки и долго смотрела на этого мальчика, который был её папой.

— Ну всё, Таюшка, пойдём отсюда. Мы ещё сюда вернёмся.

Дядя Коля хотел повесить портрет назад, но не тут-то было. Таюшка вцепилась в портрет и заревела. Дядя Коля успокаивающе погладил её по голове и разрешил:

— Ладно, возьми это фото с собой, имеешь право.

Таюшка несла портрет до самой маминой комнаты, и там дядя Коля повесил его на стенку:

— Вот будет твоей маме сюрприз, — порадовался он и ушёл.

Таюшка уселась на подоконник ждать маму. К ней тут же прискакал Рыжик, и они вдвоём устались в окно. Рыжик по-своему, по-кошачьи, удивлялся, что листья вдруг ожили и сейчас, как птички, летают где хотят. Рыжику очень хотелось поиграть с ними, он поскрёб стекло, понял, что поиграть невозможно, и стал провожать кружащиеся листья глазами. На улице стемнело, но мамы почему-то всё ещё не было. И вот в прихожей затренькал звонок.

— Мама! — закричала Таюшка и побежала открывать.

Но это была не мама, а тётя Юля:

— Таечка, пойдём к нам, милая. Твоя мамочка сейчас очень занята, она у юриста, а как освободится, тоже придёт

к нам на ужин, — сказала тётя Юля.

— А Рыжика кто накормит? — заупрямилась Таюшка.

— Рыжика мы тоже приглашаем в гости, — улыбнулась тётя Юля.

— Вот здорово! Рыжик, пойдём в гости, там тебя вкусно угостят, — сказала Таюшка и, поймав Рыжика на руки, последовала за тётей Юлей.

Дверь им открыл дядя Лёша.

— Во, к нам, оказывается, сразу два рыжика в гости пожаловали, — заулыбался дядя Лёша. — Ну, проходите, рыжики, будьте как дома.

Рыжик по-своему понял призыв быть как дома и, вырвавшись из рук хозяйки, сразу же пошёл обнюхивать углы, а потом подскочил к Вовке и стал выпрашивать у него то, что Вовка прятал в руке.

— Чего дразнишь кота? Дай, что он просит, — заругался на Вовку дядя Лёша. — Что ты там прячешь?

— Ничего я не прячу, — пробубнил Вовка, запихивая рогатку поглубже в карман.

Но Рыжик не отставал от Вовки. Тогда Вовка принёс обруч и сказал:

— Ну-ка, Рыжик, попрыгай! Получишь сардельку.

Рыжик быстро понял, чего от него хотят, и началась такая чехарда по квартире, что даже дядя Лёша не удержался и тоже принялся играть с Рыжиком. Подкрепившийся сарделькой Рыжик умудрялся прыгать даже на стены и в итоге так разошёлся, что снёс хрустальную вазочку с серванта. К счастью, вазочка, ловко подхваченная на лету дядей Лёшей, уцелела. Тут уж вмешалась тётя Юля:

— Ну-ка, перестаньте гонять бедного котёнка! А то он от вас на люстру заберётся.

Однако её предупреждение не подействовало на иг-

рающих. Рыжик махнул на люстру и там повис, перебирая задними лапами стеклянные висюльки. Висюльки тоненько зазвенели, и дядя Лёша отметил:

— Какой музыкальный кот!

Дружный хохот потряс квартиру, а Вовка от смеха сполз с кресла. Тётя Юля тоже расхохоталась:

— Ну вот, доигрались! Я же говорила, что он удерёт от вас на люстру.

— Что здесь за веселье? — спросил вошедший дядя Коля. — Ого, от кого это кот так сиганул?

— От моих дорогих домочадцев. Замучили бедного котика. Ну ладно, Лёшка, хватит гонять котёнка, лучше пойдёмте-ка ужинать.

Высокий дядя Коля легко снял Рыжика с люстры и подал Таюшке:

— На, держи своего Рыжика. И не давай его Лёхе с Вовкой, а то они твоего кота с ума сведут. Сколько я Лёху помню, он всегда уличных котов гонял.

Все уселись за стол и приступили к ужину. В это время зашла Таюшкина мама.

— Ой, мамочка, ты знаешь, какой наш Рыжик прыгучий, — восторженно доложила Таюшка.

— Я прекрасно знаю, какой наш Рыжик прыгучий. А что здесь опять случилось? — спросила мама с тревогой.

— Да мои дорогие домочадцы устроили кошачье светопреставление, — засмеялась тётя Юля. — А ваш Рыжик демонстрировал чудеса акробатики.

— Опять Рыжика раззадорили! Он когда-нибудь весь дом разнесёт, — сказала мама, сокрушаясь.

— Да это всё Лёха, непревзойдённый мастер кошачьих игр, — со смехом поведал дядя Коля.

— Витёк тоже обожал с котами забавляться, — защища-

ясь, сказал дядя Лёша. — Знаешь, Света, когда мы Таюшку в первый раз провожали до квартиры, то как подошли к вашей двери, услышали жуткий кошачий вой: ваш Рыжик тогда застрял между карнизом и стеной и висел, скрючившись.

— Света, а почему бы вам собаку не завести? Собака будет успокаивать вашего буйного кота, — предложил дядя Коля. — Хорошая идея, Таюшка?

— Хорошая идея, просто распрекрасная! Мы с мамой обязательно заведём собачку! — И Таюшка шумно захлопала в ладошки.

— Я с котом-то еле справляюсь. Не говоря уже о его маленькой своевольной хозяйке. Не надо нам собаки, Николай, — нахмурилась мама.

— А Таюшка вся в папку — своевольная. Ты же, Света, сама знаешь, каков Витёк!

— Да уж... — неопределённо произнесла мама, и лицо её посветлело. Она как-то вся засветилась изнутри. Потом спохватилась: — Да, Николай, я побывала в военкомате. Посмотри, что получила. — И вытащила из сумки документ.

Дядя Коля взял протянутую ему бумагу, прочёл и пристынул.

— Я немедленно еду в эту точку! — воскликнул он. — Это всё займёт недельки две.

— Почему ты? Я тоже могу! — засуетилась мама.

— Нет, Света, я мужчина, и мне сподручнее. Тем более что мне уже знакома сия процедура.

— Да-а-а, дела-а-а, — протянул дядя Лёша, читая выхваченную из рук дяди Коли бумажку. — Неужто Витёк?!

Но Таюшкина мама приложила палец к губам и с тревогой глянула на дочь.

— Таюшка, у тебя нога не болит, по которой тебя пнул тот пьянчуга? — спросил дядя Коля.

— Ты что, Таисия, уже и к пьяным лезешь? Чего тебе от них надо? — испуганно поинтересовалась мама.

— Мы Духа искали, Борькиного щенка, — пояснила Таюшка.

— Ну вот что, Борис, — распорядился дядя Коля, взяв сына за плечи, — Таюшка — это дочка нашего друга Виктора, и она младше вас с Владимиром. Так вот, с этой минуты вы будете её опекать и защищать. Если что с ней случится, буду спрашивать с вас как со взрослых, понятно?

— Ну-у-у, ещё с девчонкой возиться, — приуныл Борька.

— Она сама сегодня вперёд нас полезла спрашивать про щенка. Её никто не просил, мы бы и сами могли это сделать, — поддержал друга Вовка.

— Такая непоседа, как моя Таюша, любых мальчиков в неприятности втянет, — вздохнула Таюшкина мама.

— Борис и Владимир, вы поняли меня? — строго спросил дядя Коля.

— Понял, — буркнул Борька, а Вовка хмуро поддакнул.

Таюшка не удержалась и показала им язык. Вовка недовольно замычал, но дядя Лёша его осадил:

— Если будешь ныть, я тебя заставлю не с одной девочкой возиться, а сразу с тремя! — сказал дядя Лёша.

— С какими? — не понял Вовка.

— Которые родятся, — подсказал дядя Лёша.

Все захихикали. Затем взрослые ещё о чём-то долго говорили, а Таюшку разморило, и она начала клевать носом. Потом все стали расходиться по домам. Борька тащил за руку сонную Таюшку, которая шла, спотыкаясь заплетающимися ногами.

— Ты что, совсем малявка, что ли? — бурчал Борька на

Таюшку. — Иди нормально!

Таюшка выдёргивала свою руку из Борькиной и нарочно отставала. Но Борька упрямо снова брал её за руку и тащил.

— Знаешь, Свет, я ведь Виктору жизнью обязан, — заговорил дядя Коля. — Однажды мы с ним забрались на дальние озёра, там меня какая-то гадина укусила, нога посинела и распухла аж до бедра, наступить невозможно. Так Витёк меня тащил на себе до самой шоссейки. А как дотащил, сам свалился от усталости. Там мы и лежали, пока проезжий шофёр нас не подобрал и не отвез в медпункт. Витёк тогда щупленький был, я его на полголовы выше и плотнее. Так он всё равно меня не бросил, пёр до самого шоссе.

— Я знаю эту историю. Виктор часто вспоминал ваши детские приключения. И удивлялся, что вы так крепко дружили, а потом вдрызг разобиделись, и не пишете, не едете... — поведала Таюшкина мама.

Когда они добрались до своей квартиры, мама принялась раздевать и умыть Таюшку на ночь. Но у той вдруг пропал весь сон:

— Мамочка, я хочу сказку про Шишу дослушать, — захныкала Таюшка.

— Вот те раз! Только что была сонная, как зимняя муха, Боря тебя домой за руку волок. Куда же сон от тебя убежал? — удивилась мама. — Ну-ка закрывай глазки и лови свой сон.

— Хочу сказку про Шишу... Ты мне обещала... Без Шиши не усну... — затянула Таюшка.

— Ну хорошо, тогда укладывайся и жди меня, — сказала мама.

Таюшка быстренько юркнула в постель. У неё опять начали слипаться глаза, но когда в комнату вошла переодетая

в пижаму мама, Таюшкины любопытные глазёнки распахнулись, и она вся обратилась в слух. Мама присела на краешек кровати и в темноте продолжила сказку про непоседливую ведьмочку Шишу, чем-то очень напоминавшую её рыженькую дочурку.

Напилась Шиша молочка, и захотелось ей взглянуть хоть одним глазком, что у бабушки за изба, что там внутри и почему бабушка так часто туда ходит. Прокралась Шиша в избу и спряталась под стол. А бабушка собралась печь блинчики. И узрела Шиша, как бабушка открыла вход в большую белую пещеру, развела там большущий костёр, потом снова закрыла вход и стала на приступочке над пещерой переставлять чугунки. Шиша не знала, что это не пещера, а обыкновенная деревенская печка — ведь у них, в ведьминском хозяйстве, готовили исключительно на костре.

Бабушка печёт блинчики, складывает их в тарелку на столе, а Шиша по одному блинчику таскает и ест. Вкусные оказались блинчики. Но вот в избу по-хозяйски вошёл кот и сразу же увидел под столом Шишу. Кот дико мяукнул и прыгнул на Шишу. Та едва успела спрятаться за ножку стола. Кот своей когтистой лапой вырвал из рук Шиши вкусный блинчик и тут же сожрал. Шиша взяла другой блинчик — кот и этот потянул к себе. «Моё!!! — истошно заорал он и стал наступать на Шишу. Шиши дунула в вонючий кошачий нос, кот вылетел из-под стола и оглушительно зачихал.

— Ты что это, Васька? — удивилась бабушка. — Никак простыл? На-ка, скорей тёпленьких блинчиков покушай.

Пока кот жадно пожирал один за другим блинчики, выпекаемые бабушкой, Шиша думала, куда бы ей спрятаться от кота. В это время бабушка вышла в горницу, и кот сразу

же прыгнул к Шише. «Шшшш!» — отчаянно заорал он. Шиша выскочила из-под стола, кот за ней. Сел кот перед Шишей на полосатую дорожку, что была постлана на полу, и приготовился царапнуть Шишу что есть силы. Но не успел кот глазом моргнуть, как Шиша закатала его в эту дорожку — от кота только хвост и уши остались торчать. Кот заверещал на всю избу, Шиша кинулась бежать, но споткнулась о железное кольцо, торчащее в полу. Она дёрнула за это кольцо, открылся подпол, и Шиша шмыгнула туда.

Бабушка вернулась в избу и охнула:

— Ох, Васька, ты у меня вконец исхулиганился.

Она размотала половик, освободила кота и снова принялась печь блинчики. А котяра засунул свой нос в щель пола и давай шипеть туда, царапая пол когтями:

— Шшшииишшшь! Шишааак!

— Да не Шишь и не Шшшш, а Шиша! Шиша я! — Шиша коту в ответ.

— Никак Васька мышей в подполе чует, — сказала бабушка. — Ну-ка, Васенька, погоняй этих окаянных мышей. — И приподняла железное кольцо.

Кот, подбодренный бабушкой, прыгнул в подполье.

— Шшшш! — прошипел кот и упёрся своим вонючим носом в курносый нос Шиши.

— Я не Шшшш, я Шиша! — оттолкнула кошачий нос рассерженная Шиша.

— Караул, Шшшш!!! — заорал благим матом кот. — Ммяяуу!!!

В подполье поднялась возня и беготня. В кота полетели банки со всякой снедью. Кот ловил их передними лапами как заправский цирковой артист. А Шиша носилась по стенкам и по половицам вниз головой. Коту в погоне за Шишей пришлось прыгать и стучать головой о половицы, да так, что

те начали подсакивать. Бедной бабушке показалось, что её изба вот-вот рухнет.

— Никак мой Васька с полчищем мышей воюет, сердешный, — запричитала бабушка.

А Шиша тем временем опрокинула крынку сметаны на голову кота, а потом ещё и вишнёвого варенья добавила на многострадальную кошачью голову. Кот ошалело взвыл.

В эту минуту бабушка, решившая, что кота пора выручать, а то мыши возьмут над ним верх своей необъятной численностью, открыла подпол, и перемазанный кот пулей вылетел оттуда. Бабушка так и села на пол, увидев всклокоченное чудовище на растопыренных лапах и с широко открытой зубастой пастью, но когда разглядела в нём своего любимого Ваську, то заголосила:

— Батюшки! Загубили моего Васеньку мыши окаянные!

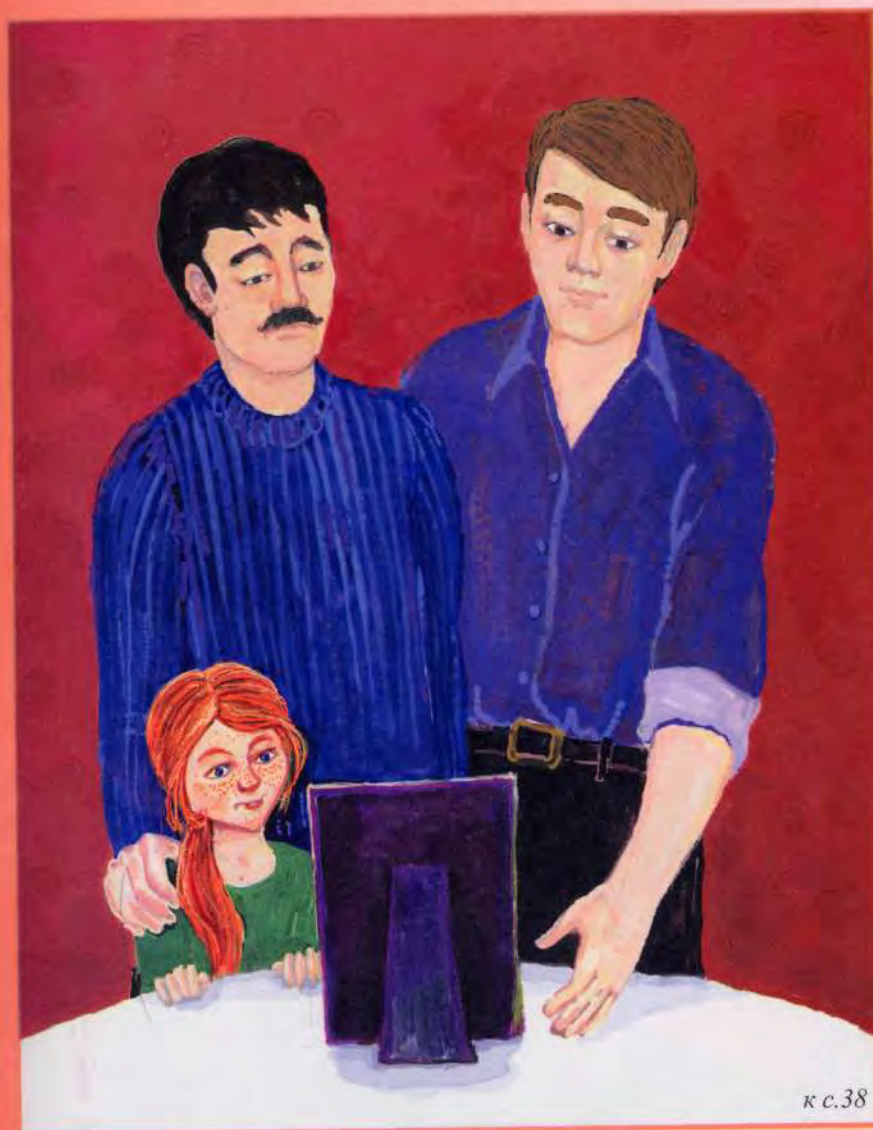
Шиша сразу же спряталась. Бабушка спустилась в подпол, увидела перевёрнутую крынку сметаны, опрокинутую банку вишнёвого варенья, и ещё пуще расстроилась:

— Васька, проказник, да когда ж ты перестанешь хулиганить? Вон чего натворил! И как мне, старой, весь этот бардак убрать?

Бабушка стала поднимать покосившуюся полку за один конец, а Шиша незаметненько помогла ей, уцепившись за другой, потом таким же макаром подняли вторую полку, третью, и так все полочки вернули на свои места. Потом бабушка поставила на место одну банку, Шиша (опять же незаметно) вторую, и постепенно в подполе снова воцарился порядок.

— Вот так-так! Старая-старая, а как быстро я всё прибрала! — удивилась бабушка.

А Шиша тихонечко посмеивалась, спрятавшись в углу. Бабушка вылезла и закрыла подпол. Шиша спокойно улеглась

к с.38

Взгляд их сразу же упал на портрет папы Вити, стоящий в рамочке на столе. Дядя Коля печально вымолвил:

— Ну, здравствуй, Витёк, вот и встретились...

Мужчины стояли перед портретом, низко опустив головы, и молчали.

Она наклонилась над дочкой и поцеловала её, и Таюшка, не открывая глаз, обвила мамину шею исхудавшими ручонками и горячо зашептала ей прямо в ухо:

— Мамочка, я тебя больше никуда не пущу.

— А я больше никуда и не поеду, — сказала мама.

на что-то мягкое, свернулась калачиком и уснула.

Проснулась Шиша в полночь. Вокруг, тоненько попискивая, сновали мышки, и в щели пола проникал чуть заметный свет. Шиша прильнула глазом к щели и увидела, как бабушка поставила на окно зажжённую керосиновую лампу. Так вот что за огонёк был виден в лесу! Вот что за огонёк примабил Шишу! Бабушка неспешно поставила тесто на пироги и принялась крутить начинку. Шиша наблюдала за ней, пока опять не заснула.

Утром же Шиша проснулась от такого вкусного запаха, что невольно начала глотать слюнки. Шиша приоткрыла подпол и с опаской осмотрелась: нет ли кота. Кота не было. И Шиша стала дожидаться, когда бабушка выйдет из избы, чтобы стянуть аппетитный румяный пирожок. Бабушка закончила печь и вышла. Шиша выскочила из подпола, забралась в блюдо с пирогами и, выбрав самый большой и поджаристый, отправила его в рот, приговаривая:

— Это для Шиши! Это только для Шиши! — И быстро сжевала горячий пирожок. — И это тоже для Шиши! — Взяла второй пирожок, поменьше, и проглотила целиком. А третий пирожок съела только до половины, потому что больше не хотелось. И, сытая и на горячих пирогах. Зашла бабушка и увидела, что кто-то разбросал пироги по столу. Подошла поближе и наконец-то увидела Шишу:

— Шишачок? Да какой маленький! — улыбнулась бабушка. — Так вот кто меня все время меня пугал.

— Я не Шишачок, я Шиша! — сказала Шиша сердито и открыла один глаз.

— Значит, ты девочка? Тогда будешь Настенька, — сказала бабушка.

Старушка взяла Шишу на руки, расчесала ей всклокоченные волосёнки, заплела их в косички и перевязала

ленточками.

— Настенька! Настенька! — затараторила Шиша и ну давай вертеться перед зеркалом.

Потом кинулась бабушке на шею и давай её целовать.

А вечером бабушка сшила для своей Настеньки нарядное платьице, пышненькое, всё в оборочках. Надела его Настенька и возрадовалась:

— Ну чем ни девочка? Чем ни Настенька! Теперь я не Шиша, а Настенька, и я буду хорошей девочкой!

И стали они жить-поживать вместе.

Настенька оказалась толковой и работающей. Всех тараканов из избы выгнала, всю паутину с пауками повывела, полы подмела, все вымыла-вычистила, занавески и половики перестирала. И стало в избе у бабушки и светлее, и просторнее. Настенька научилась печь блинчики и пироги, готовить похлёбку. А вечером, когда бабушка зажжёт керосиновую лампу и сядет починять свои ветхие носки и бельишки, Настенька ей и нитку в иголку вденет, и очки бабушкины найдёт, а потом свернется у неё на коленках и

слушает, как та поёт песенку. Да так и заснёт. Даже кот помирился с Настенькой. Он ведь воевал с задиристой Шишей, а к доброй спокойной Настеньке у него претензий не было.

И петух не обижал Настеньку. И коза Розочка. Так что жили они все душа в душу.

Бабушка утром уходит на базар, а Настенька по дому приберётся, приготовит обед и ждёт бабушку.

Однажды пришла бабушка с базара и говорит:

— Настенька, глянь, какой я тебе подарок купила, нака, примерь! — И подает ей красные башмачки, лаковые, блестящие.

Настенька как надела их, так целый пень ходила, пританцовывая. И ей тоже захотелось порадовать бабушку.

— Пойдём, бабушка, сегодня в полночь в чистое поле: я покажу тебе диво дивное, — уговаривает Настенька бабушку.

— Да я старая уже, Настенька, чтоб на диво дивное смотреть, — отнекивается бабушка.

— Пойдём, миленькая бабушка, очень мне хочется тебе приятное сделать, — настаивает Настенька.

И бабушка наконец согласилась.

Вышли они в чисто поле. Настенька села на свою метлу, гикнула и понеслась в ночные облака. Бабушка постояла, подождала и хотела уже вернуться в избу, как вдруг ночные облака расступились, и она увидела, что впереди летит её Настенька на метле и за звёздную уздечку спускает на землю крылатого белого коня. Бабушка так и ахнула.

Настенька спустила на землю коня, и тот поскакал галопом. Сделав круг, конь остановился перед бабушкой и низко опустил голову. Бабушка погладила гриву коня, похлопала его по крупу и промолвила:

— Спасибо, Настенька, за это диво дивное. Ты меня и удивила, и порадовала. А теперь отпусти коня домой, Настенька.

Настенька щёлкнула уздечкой, свистнула — конь взмыл в небо, и облака сомкнулись.

— Когда я была маленькой, — сказала бабушка, улыбаясь всеми своими морщинками-лучиками, — мне очень хотелось увидеть этого коня. И вот сегодня я его увидела. Спасибо тебе, моя хорошая девочка.

И они вернулись домой. Порадовала Настенька бабушку, да только и себя выдала: её сестры-то видели, как она спускала коня на землю, и выследили, где она живёт.

Утром бабушка ушла на базар, а Настенька принялась убирать избу. Раздался стук в дверь. Настенька, не ожидав-

шая подвоха, вышла на крыльцо... А сестры хватъ её за уши! И утащили в пещеру.

Вернулась бабушка с базара, а на крыльце только один башмачок валяется. Догадалась бабушка, что Настеньку утащили сестры, и пошла к лесу. По дороге второй башмачок нашла, потом ленточки из косичек, а потом и платъице. Вернулась бабушка домой, зажгла лампу поярче и поставила на окно.

— Может, Настенька моя увидит огонёк и снова прибежит ко мне, — вздохнула старушка и села починять свой старый носок...

Мама замолчала.

— А дальше? — нетерпеливо поинтересовалась Таюшка.

— А это всё, моя дорогая, — улыбнулась мама. — Конец сказки.

— Мам, а Настенька вернётся к бабушке?

— Может быть, и вернётся... — уклончиво ответила мама, выходя из комнаты. — А теперь спи.

Утром Таюшка проснулась оттого, что дядя Коля громко разговаривал с мамой.

— Света, мне сказали, что обязательно нужны родственники, так что тебе тоже придётся ехать вместе со мной.

— Да, конечно, Николай, я поеду, отпрошусь на работе и поеду, — тут же согласилась мама.

— Ну, тогда в воскресенье выезжаем. В общем, Света, чтобы к утру в воскресенье была готова, — приказал дядя Коля.

— Мама, а вы куда поедете? — закричала Таюшка,

соскакивая с постели.

— Очень хорошо, что ты встала и услышала наш разговор, — сказал дядя Коля.

— Я ненадолго уеду с дядей Колей по очень важному делу, а ты, Таюша, останешься у дяди Леши и тётки Юли. А то тётя Люда одна с вами всеми, непоседами, не справится, — пояснила мама.

— Ну, Таюшка, будь умницей, не упрямясь, — попросил дядя Коля. — Света, может, ей всё-таки сказать?

— Да что ты, Николай! — мама испуганно замахала руками. — Неизвестно, что моя доченька выдаст. Её реакцию порой трудно предвидеть...

— Ну, Таюшка, немножко потерпи, скоро ты всё узнаешь. — Дядя Коля потрепал уже наострившую ушки Таюшку по встрёпанному со сна волосикам и ушёл.

Мама засобиравалась на работу и всем своим видом показывала, что не стоит приставать к ней с расспросами, всё равно она ничего не скажет. Таюшка, спросонья покладистая, не стала приставать к маме. Она с удовольствием съела сырники, напилась чаю и, по-быстрому одевшись, выбежала на улицу. Летел первый снежок и тут же таял. Было сыро, да ещё дул холодный ветер. Малышей на улице не было, только школьники торопились в школу.

— Эй, малявка, Тайка! Куда бежишь? — запыхавшись, догнал её толстый Борька.

— Ну чего тебе? — обернулась Таюшка, недовольная обращением «малявка».

— Потолковать надо, — важно сказал Борька. — Ты знаешь, куда едет твоя мама с моим папой?

— Знаю только, что едут и по важному делу. А по какому делу, они мне не сказали, — обиженно засопела Таюшка.

— Странно, почему они этого тебе не сказали?

— А что они мне не сказали?

— Не сказали, значит, не захотели!

— А что они мне не захотели сказать? — пристала к Борьке Таюшка и ухватила его за кожаную полу куртки.

— А ты им не скажешь, если я тебе по секрету скажу?

— Скажи, Борьчик, клянусь тебе, что ни за что никому не скажу, — поклялась Таюшка.

— Твой папа нашёлся. Пришло письмо из Красного Креста: твой папа сбежал из плена, и сейчас он весь израненный находится в госпитале. Вот они и поедут за ним, — сказал Борька и тут же пожалел об этом, потому что Таюшка, крича: «Папка, папка, папка!!!» — понеслась к своему подъезду так, что только пятки засверкали.

Борька припустил за ней, но толстому мальчишке не удалось догнать шустрюю, прыткую девочку. Таюшка влетела в квартиру с воплем:

— Мама, папка нашёлся!

— У мамы даже тарелка выпала из рук.

— Да, он нашёлся. Он лежит в госпитале, очень болен. Мы с дядей Колей туда поедим и заберём нашего папочку, — спокойно, насколько это у неё получилось, сказала мама. — Ну всё, Таюша, подробности потом, мне уже пора на работу.

— Я тоже поеду за папочкой! — И Таюшка стала торопливо вытаскивать из шкафа своё барахлишко и упихивать в пластиковую сумку.

— Нет, ты никуда не поедешь, — строго сказала мама, — ты будешь ждать нас здесь и поживёшь у дяди Лёши и тёти Юли.

— Нет, я тоже поеду за папой, я сама его привезу, — заверещала Таюшка, — я сама буду за ним ухаживать!

— Конечно, ты будешь мне помогать ухаживать за боль-

ным папой, но только тогда, когда мы привезём его домой, — в мамином голосе зазвучали суровые нотки.

— Нет, я поеду к нему и сама привезу его сюда! — заревела Таюшка.

Мама подняла её, отшлёпала и поставила в угол. Тут раздался звонок в дверь, и мама пошла открывать. На пороге стоял взбудораженный Борька.

— Тётя Свет, это я сказал Тайке, что её папа нашёлся. Хотел её порадовать. А она разоралась и понеслась как сумасшедшая. Я ей по секрету, а она тут же побежала вам докладывать. Теперь мне от моего папы попадёт, — шмыгнул носом Борька.

— Заходи, Боря, и посмотри на мою капризную рёвущую-коровушку. И не волнуйся, Боренька, я скажу Николаю, что ты не виноват, он не будет тебя ругать. Вот только моей дочери никогда больше не доверяй секретов: ей же ничего нельзя доверять, потому что она глупая, бестолковая и всегда тебя предаст, — предупредила Таюшкина мама.

Таюшка притихла в углу. Ей стало жалко маму и стыдно, что она предала Борьку. Она же поклялась, что никому не скажет, и тут же всё выболтала... А ведь она уже не маленькая. Вдруг папка узнает, что она предательница, и не захочет такую дочь? — испугалась Таюшка.

— Мамочка, вы с дядей Колей поезжайте за папой, а я вас здесь подожду, — смиренно произнесла Таюшка, выбежала из угла и уткнулась матери в колени. — Прости меня, мамочка, я ведь тоже люблю папу. И Борьку я больше не буду предавать.

Тут в дверь снова зазвонили — зашёл дядя Коля. Увидев сына, он удивлённо поднял брови:

— Борис, ты почему не в школе?

— Не ругай его, Николай, он не в школе из-за моей

Таюши, — заступилась Таюшкина мама.

— Что ещёстряслось?

— Да мы тут опять раскапризничались, — ответила за Таюшку мама. — А Борис у нас джентльмен, бросился выручать мою капризулю и поэтому опоздал в школу.

— Дядя Коля, я больше не буду капризничать и предавать Борьку, — сказала Таюшка и низко опустила голову.

— Замечательно! Ну, раз всё в порядке, тогда марш в школу, Борис. А нам, Света, надо поговорить, — сказал дядя Коля и показал глазами на Таюшку.

— Можешь говорить при ней, она уже всё знает. Ураган в стакане закончился, — засмеялась мама.

— Так из-за этого весь сыр-бор разгорелся? — возмутился дядя Коля. — Вот что, Таисия: пока твоего отца здесь нет, я буду сам заниматься твоим воспитанием. И если я ещё раз увижу, что ты расстраиваешь маму, то буду тебя наказывать так же, как наказываю Бориса. Ну, а приедет твой отец, он сам будет с тобой разбираться. — И, отвернувшись от озадаченной Таюшки, обратился к маме: — Итак, Света, мы тут с Лёхой потолковали и решили, что Витьку будет приятно сразу же попасть в свою собственную квартиру. Витькова квартира уже свободна: законный родственничек как узнал от

адвоката Гротова, что ему грозит за незаконное вселение, так мигом собрал свои манатки и съехал. Так вот, мы решили перевезти вас туда прямо завтра. За переезд не беспокойся, мы всё перетащим сами. Так что бери сегодня отгул на работе и собирай вещи. И сегодня же надо оформлять проездные документы. Для въезда в ту зону нужно особое разрешение, я уже заказал его.

— А мы успеем всё сделать? И документы оформить и переехать? — засомневалась мама.

— Управимся! — твёрдо ответил дядя Коля. — У вас

мебелишки-то с гулькин нос, вас перевезти — раз, два и готово.

— Ну, не так уж «с гулькин нос», — возразила мама и стала деловито перечислять: — Шифоньер, книжный шкаф, диван, кровать, стол, стулья, да ещё кухонное...

— Всё это спокойно влезет в одну машину, да ещё там куча места останется. Так что хватит одной поездки. В общем, не теряйте времени даром, девушки, и начинайте паковать вещи.

Мама, помявшись, согласилась. Дядя Коля ушёл. Мама тоже заспешила на работу.

— Таюшка, пока я на работе, собери-ка все свои игрушки, мы завтра переезжаем в папину квартиру. Слышала, дочка?

Таюшка уверенно кивнула головой. Мама ушла, а Таюшка бросилась складывать в ящик свои игрушки. Собрала всё, вот только Рыжик никак не хотел ложиться в ящик.

Вечером пришла мама, и они вместе стали упаковывать чемоданы. Потом пришли помогать тётя Люда и тётя Юля: они собрали всё бельё в узлы и связали их. После окончания сборов мама с Таюшкой заснули как убитые.

Утром их разбудило нетерпеливое треньканье входного звонка. Мама, ещё сонная, накинув халатик, пошла открывать. В квартиру ввалились сразу трое мужчин.

— Ну, девушки, готовы? Всё собрали? — спросил дядя Коля. — Машина уже прибыла. Пока мы будем таскать тюки, вы уж, пожалуйста, оденьтесь, да потеплее: на улице холодрыжник.

Мужчины сразу взяли все узлы, потом пришли грузчики за мебелью. Мама с Таюшкой поспешно оделись, прихватили

лёгкую поклажу и спустились во двор. Там их посадили в дяди-Колину легковую машину, потому что грузовая с мебелью и тюками уже отъехала. Когда они подъехали к папиному дому, там заканчивали разгрузку грузовика, а большая

часть вещей уже была внесена в квартиру.

— Мама, а Рыжика-то забыли! — спохватилась Таюшка и заревела.

— Эх ты, хозяйка, — сказал дядя Коля, улыбаясь, — а это кто спит у меня на коленях?

Таюшка посмотрела и радостно воскликнула:

— Рыжик!

Испуганный Рыжик проснулся, приоткрыл глазки-щёлочки, зевнул, обнажив розовый язычок, потом снова спрятал нос в шерстку и задремал.

Они вошли в папину квартиру. Там хозяйничали тётя Люда с какой-то девушкой.

— Света, не обижайся, что мы тут без тебя покомандовали. Мы всё рассортировали и расставили, а дальше вы уж сами всё разложите и приберёте. Оставляю вам в помощницы свою домоуправительницу Галочку. Вещей у вас, правда, негусто, но всё-таки пусть Галочка поможет, а я побегу в свою клинику.

Таюшка залезла на подоконник. Там же примостился и Рыжик. Таюшка увидела, как из окна соседнего дома кто-то машет ей руками. Пригляделась: то был Борька. Таюшка показала ему в окно Рыжика. Борька ей тоже что-то показывал, что-то белое в чёрных пятнах. «Дух!» — поняла Таюшка.

— Мама, у Борьки Дух нашёлся! — радостно закричала она.

Мама подошла к окну и помахала Борьке рукой. Тот тоже изобразил что-то вроде приветствия.

— Пойдём, дочка, помоги мне убрать бельё, — велела

мама. — Покажи, какая ты хозяйка.

— Светлана Николаевна, а сколько вашей дочечке лет? Наверно, уже в школе учиться? — спросила назначенная в помощь Галочка.

— Да нет, ей всего шестой год.

— Рослая-то какая! — восхитилась Галочка. — Высокая будет, как фотомодель.

— Это точно, вытянется, как жердь, — усмехнулась мама.

Они убрали бельё, потом стали раскладывать вещи. Квартира постепенно принимала жилой вид, и видно было, какая она уютная и как добротен сделан ремонт.

— Это всё Николай! Он прихорашивал эту квартиру! Представляете, за три дня с ремонтом управились! — с гордостью сказала Галочка.

Таюшка кивнула в знак согласия. Она поспешно выпила чай, поделилась с Рыжиком омлетом и, схватив куртку с шапкой, помчалась на улицу. Там она увидела принаряженную Маришку — в бархатном беретике с помпоном, в завязанном пышным бантом шёлковом шарфике и в замшевых сапожках.

— Маришка, привет! — догнала её Таюшка. — Куда идёшь?

— Ой, Тайка, в цирке сегодня дневное представление, в три часа начало, я на него иду!

— Ух ты! Я тоже хочу в цирк! Пока мама не ушла, мне надо попросить у неё денежку! — И Таюшка побежала домой.

Мама уже стояла одетая и собиралась выходить, когда влетела запыхавшаяся Таюшка.

— Мам, дай денежку!

— На что тебе денежка? — удивилась мама.

— Маришка идёт в цирк на дневное представление в три

часа, и я тоже хочу.

— Вот тебе деньги на билет в цирк и на два мороженых — тебе и Маришке, — вытаскала мама из кошелька деньги. — Положи в карман и не потеряй.

Таюшка, заполучив деньги, вихрем унеслась на улицу и помчалась догонять Маришку и договариваться пойти в цирк вместе. Они условились, где встретятся, немного прогулялись, и Таюшка пошла обедать к дяде Лёше. Вовки дома не было.

— Он, наверно, у Сагановых, — сказал дядя Лёша. — Давай я их с Борей позову, вместе пойдёте в цирк.

— Зачем нам мальчишки? — заупрямилась Таюшка. — Мы с Маришкой отлично сходим в цирк и без них.

— Ну, смотрите. И строжайше тебе наказываю — к пьяным не лезь и к старшим пацанам тоже не смей подходить. Поняла?

Таюшка понимающе кивнула и ускакала на улицу. Там они немного побегали и, спросив у прохожего, который час, отправились в цирк. Посмотрев представление, они вышли на улицу, смешавшись с толпой других ребяташек. Было ещё светло.

— Маришка, побежали по тропинке: посмотрим, куда она ведёт, — предложила предприимчивая Таюшка.

— Ой, Тайка, мне что-то страшно туда идти, — призналась Маришка.

— Если ты боишься, то я пойду одна. А ты ступай домой, — сказала неугомонная Таюшка и нырнула в переулок, узкий и тихий.

— Вот видишь, здесь никого нет, — подбадривала она всё-таки увязавшуюся за ней Маришку.

Они уже могли благополучно выйти из переулочка, как вдруг услышали, что где-то неподалёку жалобно заскулила

собака.

— Собачка плачет, — остановилась Таюшка.

— Ой, Тайка, пойдём, я боюсь, — прошептала Маришка.

Но Таюшка не сдвинулась с места. Прислушавшись, откуда доносится скулёж, она свернула в крохотный проулок. И тут снова заскулила собака, и этот скулёж постепенно перерастал в душераздирающий вой. Таюшка побежала на этот вой. Проулок кончился, и она оказалась возле небольшого больничного садика, огороженного низким деревянным штакетником, а напротив высились беззаконные стены складских помещений. Место было глухое, здесь хоть и закричишь, никто не услышит. Дальше Таюшке идти не пришлось: она уже увидела, кто воет. К штакетнику за шею верёвкой прицеплена махонькая собачонка. Вытянувшись во весь рост, она стояла на задних лапах, и верёвка не давала ей возможности никуда отвернуться. А три здоровых пацана забавлялись тем, что швыряли в собачонку камнями.

— Смотри, я сейчас попаду в шавку, — сказал один и швырнул камень, но камень попал в штакетник.

— Эх ты, мазила, — заржал второй пацан. — Вот я сейчас точно попаду!

И он, прицелившись, швырнул камень. Камень попал несчастной собачонке в глаз. Глаз сразу же налился кровью.

— Уйя! Прямо шавке в глаз! Вот это попадание, первый разряд, ур-р-ра! — раскатисто закричал третий пацан и жизнерадостно запрыгал: — А сейчас я попробую.

И он швырнул камень, который угодил собачонке в ухо. Из ранки потекла струйка крови. А через минуту на беззащитную собаку обрушился целый град камней: пацаны начали буквально расстреливать бедное животное.

Таюшка завизжала что есть мочи:

— Что вы делаете?! Остановитесь!!! Не смейте!!!

Но пацаны не обратили на неё ни малейшего внимания.

Тогда Таюшка резко рванула с места, подбежала к собачонке и закрыла её собой. Один из пацанов пытался оттащить её, но Таюшка крепко вцепилась обеими руками в штакетину. Тогда в неё тоже полетели камни. Один попал ей в голову, и она почувствовала, как по щеке и шее потекло что-то тёплое, закапало вниз, а на земле быстро расплзлось тёмное пятно. Второй камень пребольно ударил её в плечо, и она потеряла сознание...

Таюшка открыла глаза, и незнакомая белая комната сразу же качнулась и поплыла. Над ней склонился усатый врач, и его лицо тоже поплыло куда-то в сторону.

— Как себя чувствуешь, милая барышня? — спросил врач.

— Где мама? — еле разлепив губы, с трудом выговорила Таюшка.

— Сейчас позову тебе тётю Люду, — заторопился врач, но тётя Люда сама уже входила в палату.

— Ну что, Таюша, очнулась? Как ты себя чувствуешь? Голова болит?

— Болит. А где мама?

— Мама скоро придёт. Таюшка, а где у тебя ещё болит? — допрашивала тётя Люда. — Спина болит?

— Всё болит, — заплакала Таюшка.

— Ну, только не плачь, все твои бобошки скоро пройдут.

Тут в палату вошли ещё три человека в белых халатах и начали тихо переговариваться. Они ещё раз осмотрели голову и спину девочки, наложили свежие повязки, подключили ка-

кие-то проволоки к голове, рукам и груди и ушли. Таюшка всё это мужественно перетерпела, но когда принесли капельницу, то перепугалась и застонала. Зашла тётя Люда.

— Таюша, в чем дело?

— Что это? Я боюсь.

— Таюша, да это просто капельница, тебе будут капать лекарство, — растолковала тётя Люда. — Ты же не пожелаешь пить горькое лекарство, вот его и накапают тебе прямо в венку. Будет чуточку больно, совсем чуть-чуть. Ты закрой глаза, чтобы не было страшно.

— А мама придёт?

— Конечно, придёт, — заверила Таюшку тётя Люда. — Ну-ка, закрой глазки. Вот видишь, какая ты молодец. И совсем не больно, правда?

Но Таюшка, открыв глаза, увидела воткнутую в руку большую иглу и застонала ещё громче. Тётя Люда нагнулась над Таюшкой, погладила её, поцеловала в конопатый носик, а тем временем медсестра взяла шприц и ввела лекарство в прозрачную трубочку капельницы. И Таюшка снова уснула.

Проснулась она, когда уже наступил вечер. Две нянечки развозили ужин на скрипучих каталках. К Таюшке зашла тётя Юля в белом халате.

— Ну что, Таечка, будешь ужинать? — спросила она.

— Где моя мама? — пролепетала Таюшка.

— Как, ты разве не помнишь, что сама отпустила маму с дядей Колей Сагиновым съездить по очень важному делу? — удивлённо спросила тётя Юля.

Таюшка сморщила лобик и силилась припомнить: да, кажется, она действительно куда-то отпустила маму. И Таюшка понимающе похлопала ресничками.

— Вот видишь, всё вспомнила, — обрадовалась тётя Юля. — А теперь давай-ка поужинаем. Я тебя напою клюк-

венным морсом, накормлю бульончиком с курочкой и побегу кормить Вовку с дядей Лёшей. А то они меня проглотят, причём в один присест, если я вовремя не обеспечу им питание, — пошутила тётя Юля.

Таюшка залпом выпила весь морс, а вот бульону скушала только четыре ложечки, больше не хотелось. А от вида варёной куриной ножки даже чуточку затошнило.

— Тётя Юля, а мама давно уехала? — спросила Таюшка.

— В воскресенье, а сегодня у нас среда, — ответила тётя Юля.

— Это я так долго спала? — удивилась Таюшка.

— Тебе укольчики ставили, чтоб ты спала, — сказала тётя Юля и вышла.

Таюшка лежала и усердно вспоминала. Она помнила, что отпустила маму, только вот зачем? Этого она решительно не помнила.

В палату заглянул усатый врач:

— Ну, как дела, милая барышня?

— А когда вы меня домой отпустите? — ответила Таюшка вопросом на вопрос.

— Да уж погости у нас ещё маленько, — попросил врач и, пожав Таюшкину ручонку, тоже вышел.

Через пару дней пришёл дядя Лёша. Он сел на стул возле кровати, крепко сцепив руки на коленях, окинул Таюшку каким-то непонятно рассеянным взглядом, сказал:

— Знаешь, Таюша, я теперь тебе не чужой человек, ты теперь моя кровная дочь.

— Я папина дочка, — заупрямилась Таюшка.

— И моя теперь тоже, — твёрдо сказал дядя Лёша и

пояснил: — Когда ты в драке потеряла много крови, тебе перелили мою, благо у нас с тобой группы крови совпадают. Так что теперь ты моя кровная дочь. А теперь послушай, что я тебе скажу: с сегодняшнего дня ты не имеешь права одна, без меня, лезть в драку. Давай договоримся так: прежде чем полезешь к кому-то драться, позовёшь меня, и мы с тобой посоветуемся, драться нам или нет. Поняла?

— И даже с Вовкой?

— Вовка не имеет права бить свою кровную сестру. Ну что, договорились, по рукам? — Дядя Лёша протянул свою большую ладонь Таюшке, и они крепко пожали друг другу руки.

Медленно и скучно потянулись больничные дни, особенно тоскливо было по вечерам, когда тушили свет. Таюшка тихонько плакала в подушку, чтобы её никто не услышал. Она очень сильно соскучилась по маме, ей уже казалось, что мама теперь никогда не вернётся. И зачем только она отпустила маму!

Однажды утром у Таюшки резко поднялась температура.

— Ну-ка, Таюша, переставай плакать по ночам, иначе к приезду мамы ты не поправишься, — пригрозила ей тётя Люда.

— А кто вам сказал, что я плачу? — удивилась Таюшка.

А вот этот компьютер, он нам всё про тебя рассказывает, — открыла тайну тётя Люда.

Теперь Таюшка опасливо посматривала на ябедничающий компьютер, стоящий посередине палаты, однако плакать перестала.

Однажды Борька ей принёс фотографии Рыжика. Такие забавные! На одной Рыжик был с выпученными, как у совы, изумлёнными глазами, а на другой старательно умывался лапкой.

— И Клопик тебе большой привет передаёт, — сказал Борька.

— Какой ещё Клопик? — не поняла Таюшка.

— Ну, та собачка, которую ты спасла, — осторожно напомнил Борька, помня о приказе лечащего врача не волновать Таюшку. — Клопик теперь живёт в подъезде у дяди Лёши, он ему там будку соорудил. Клопик теперь Вовку в школу провожает и из школы встречает.

— А этот Клопик уже поправился?

— Поправился. Мы с Вовкой за ним ухаживали. И Дух его признал.

— Вот и отлично! — обрадовалась Таюшка. — Когда я поправлюсь, буду играть и с Духом, и с Клопиком.

— Ты, Тайка, больше не лезь одна к большим пацанам, и вообще ни к кому не лезь. Зачем тогда одна пошла? Надо было нас позвать, мы бы и в цирк вместе сходили, и с теми подонками разобрались, которые в Клопика камнями кидали, — назидательно сказал Борька.

— Я не одна была. Мы с Маришкой были, — надулась Таюшка. — И вообще я не лезла к ним, я Клопика спасала.

— Нашла себе заступника — Маришку! Да эта Маришка известная трусиха, она даже муравьёв боится, — хмыкнул Борька.

— Ну и что, что муравьёв боится. Зато Маришка не бросила меня, даже когда вы с Вовкой меня били, — напомнила Таюшка.

— Мы больше не будем тебя бить. Мы и тогда не хотели тебя бить, мы просто хотели забрать у тебя котёнка, пото-

му что Дух не любит кошек, он бы погнался за ним, если бы увидел, и сам бы попал под машину, и котёнка бы задавило, — оправдывался Борька. — Если бы я тогда знал, что ты дочка папиного друга, я бы ни за что тебя не тронул, я ведь тоже своего папку люблю, а твой папа когда-то его спас. Если твой папа найдётся, я пожму ему руку, — солидно добавил Борька и вдруг, шмыгнув носом, предложил: — Давай больше не будем ругаться!

— А ты будешь со мной дружить? — ехидно спросила Таюшка.

— Мы все будем с тобой дружить, — сказал уклончиво Борька и вдруг застеснялся.

— Ладно уж, — Таюшка махнула рукой в знак согласия. Ей было приятно, что Борька так с ней разговаривает.

— Хочешь, я тебе завтра Рыжика за пазухой принесу? — предложил Борька.

— Вот здорово! — обрадовалась Таюшка.

Но на следующий день, когда Борька с Вовкой пришли в больницу, у них на входе сразу же обнаружили кота и не пропустили.

— Так, Тая, чья это была выдумка, чтоб пронести сюда Рыжика? — строго спросила тётя Люда.

Таюшка хотела было выдать Борьку, но ей подумалось: «Разве папа предал бы дядю Колю?» И она дипломатично сказала:

— Я по Рыжику соскучилась и попросила Борю принести его сюда. Извините, пожалуйста.

— Ну, хорошо, можешь посмотреть в окно на своего Рыжика, вон Боря тебе показывает, — сказала тётя Люда.

Таюшка посмотрела в окно и увидела, что Борька обеими руками держит

извивающегося Рыжика. День за окном был солнечный, и Рыжик казался огненно-оранжевым.

— Ой, он же сейчас убежит от Борьки, — испугалась Таюшка и незамедлительно заревела.

— Не плачь, Таюша. Вот мама приедет, и тебя, наверное, выпишут, — пообещала тётя Люда.

— А когда она приедет?

— Да уже на той неделе. И Рыжик твой никуда не убежит: Борис ему кошачий поводочек сделал.

— Вот здорово! Теперь и я Рыжика буду выводить на улицу, — обрадовалась Таюшка.

А Борька взял за лапу Рыжика и помахал ею Таюшке, потом отпустил Рыжика на асфальт и повёл домой. Рыжик потрусил за ним, он был похож на лисичку.

Через два дня зашла очень весёлая тётя Люда и сказала:

— Таюша, вчера звонила твоя мама, спрашивала про твоё здоровье и сообщила, что они приезжают на той неделе, предположительно в понедельник. Так что жди свою мамочку.

Таюшка так обрадовалась, что снова затемпературила, да ещё появился нервный тик.

Пришёл усатый доктор, присел на краешек койки, положил свою мягкую прохладную ладонь на Таюшкины пальчики и сказал:

— Ну-ка, милая барышня, ложись поудобнее, будем лечиться! Сомкни-ка ручки в замок, переплети пальчики... Вот умница! А теперь попробуй их разжать.

— Не получается, — вздохнула Таюшка.

— Ну, хорошо, — сказал доктор, — а сейчас ты увидишь интересный сон. Спи!

И Таюшка увидела много-много цветных шариков, и

среди этих шариков гулял её огненный Рыжик и смешно ловил их лапой.

К воскресенью Таюшка начала вести себя поспокойнее, но усатый врач по-прежнему запрещал волновать её.

— Приедут родители, и если она не узнает отца, то не стоит сразу говорить ей, что это её папа, она сама постепенно всё вспомнит, — предупредил врач медицинский персонал.

Наступил понедельник. Таюшка проснулась, выяснила, какой день недели, и тут же спросила:

— Мама приехала?

— Нет ещё, Таюша, не приехала, — сказала тётя Люда.

— Не сегодня, так завтра обязательно приедет.

И Таюшка отчаялась: ей опять стало казаться, что мама никогда не приедет, и ей снова стало жаль, что она её отпустила.

— Если мама когда-нибудь вернётся, то я её больше никуда не отпущу, — поклялась Таюшка.

— А ты не жди её так сильно, тогда она быстрее приедет, — советовали ей.

И вот в один прекрасный день, когда Таюшка ещё спала, она вдруг почувствовала, что мама сидит рядышком возле её постели. Таюшка даже боялась открыть глаза: «А вдруг это неправда, вдруг мамы совсем нет, вдруг она мне только кажется?» Но мама и в самом деле сидела возле её постели и увидела, как у дочки дрогнули реснички, и поняла, что та боится открыть глаза, чтобы не спугнуть видение. Тогда она наклонилась над дочкой и поцеловала её, и Таюшка, не открывая глаз, обвила мамину шею исхудавшими ручонками

и горячо зашептала ей прямо в ухо:

— Мамочка, я тебя больше никуда не пущу.

— А я больше никуда и не поеду, — сказала мама.

— Мама взяла её на руки, и Таюшка, прижавшись к ней, ещё немного вздремнула.

— Таюша, да проснись же ты, наконец, хватит уже спать, — разбудила её мама.

Таюшка открыла глаза, посмотрела на маму и запоздало залилась слезами:

— Мамочка, почему ты меня оставила?!

— Потому что мне надо было срочно уехать.

— Ну-ка, Тая, прекрати упрекать маму, — сказала тётя Люда. — Она не хотела оставлять тебя одну в больнице, но надо было срочно ехать. Дядя Коля с большим трудом увёл её тогда отсюда.

— Таюшенька, не сердись на меня. Когда ты выздоровеешь окончательно, я тебе всё расскажу.

— Ладно, мамочка, я больше не буду тебя обижать, я просто соскучилась, тебя так долго не было. — И Таюшка крепко-крепко обняла маму.

— Всё у нас хорошо, дочка, — сказала мама, вытирая слёзы — и дочкины, и свои.

Тут Таюшка заметила за спиной у мамы незнакомого мужчину. Он стоял и пристально смотрел на неё.

— А это ещё кто? — Таюшка невоспитанно ткнула пальцем в направлении мужчины и насупилась.

— Это?! Это... Это... Это дядя Витя, — сказала мама, растерявшись.

— Какой ещё дядя Витя? — надулась Таюшка.

— Лучший друг дяди Коли, — уточнила мама и почему-то закусила губу.

Дядя Витя посмотрел, усмехнувшись, на маму и прибли-

зился к Таюшке:

— Ну здравствуй, Таюшка! Иди ко мне, я тебя подержу на руках, авось вспомнишь меня. Посмотри-ка на меня внимательно. Может, ты меня уже где-то видела?

— Нигде я вас не видела! — взвизгнула Таюшка и, вырвавшись из дяди-Витиных рук, поползла по постели к маме и как бы нечаянно пнула дядю Витю ногой.

— Таисия, это что такое?! Дядя Витя воевал, весь израненный, а ты его лягаешь, бессовестная! У меня не дочь, а прямо какая-то глупая ослица! — обиделась мама.

— А чего он сам лезет? — возмутилась Таюшка.

— А ты посмотри на него внимательно. Может, вспомнишь, кто это, — принялась уговаривать Таюшку мама.

Дядя Витя стащил Таюшку с маминых колен и взял к себе на руки, но та вывернулась и хотела снова уползти к маме. Дядя Витя снова её поймал и посадил к себе на колени, крепко прижав к себе. Таюшка пыхтела, пытаясь снова вывернуться, но у дяди Вити были крепкие руки.

Тут в палату вошли дядя Коля с дядей Лёшей. Таюшка так заорала, что мужчины растерялись:

— Что здесь происходит? — удивлённо спросил дядя Коля.

— Да вот, своё дитя никак не могу приручить, — горестно ответил дядя Витя.

— А по-хорошему ты ей не можешь сказать, кто ты?

— Медперсонал не разрешает волновать её, — расстроено произнёс дядя Витя.

— Ну всё, Витёк, если Таюшка тебя не признаёт, значит, ты в нашу банду не годишься, — сказал, смеясь, дядя Лёша и шутливо посоветовал: — Надо, чтоб Светка прилюдно тебя из ложечки покормила, и тогда мы тебя, может быть, признаем.

— Знаешь, Витёк, Таюшка ведь тебя даже на портрете, где ты десятиклассник, узнала и так вцепилась в этот портрет, что сама тащила его до дома, — вспомнил дядя Коля. — Дайте-ка мне её сюда, а то бедного ребёнка уже всего измучили.

Дядя Витя ослабил руки. Таюшка только этого и ждала, она вывернулась и метнулась к маме. Тут в палату вошёл усатый врач.

— Светлана Николаевна, вы сможете приходить сюда каждый день и проводить с дочкой по несколько часов, пока мы её не выпишем? Ваша работа вам позволит? — обратился он к Таюшкиной маме. — Сами понимаете, хотя серьёзных органических повреждений нет, но был сильный стресс. Она никак не может отойти от этого потрясения, да и очень она скучала без вас.

— Да-да, конечно, я после работы прямо сюда. Но, скажите, когда примерно её выпишут? У нас дома кошка, собака, да и муж мой вернулся не совсем здоровым, — поведала Таюшкина мама.

— Ну, если до пятницы ничего худого не случится, то выпишем её в пятницу, — пообещал доктор.

— Доктор, посоветуйте, как нам сказать ей про отца, — попросил дядя Коля. — Она упорно не узнаёт его, ну ни в какую не узнаёт, а волновать её нельзя. Может, вы как-то поможете нам?

— Ну, с этим она сама справится, — заверил усатый врач. — Она бойкая девочка, не каждый ребёнок способен броситься под град камней. Храбрая рыженькая кроха, — уточнил он и ушёл.

— Мамочка, разве у нас и собачка есть? — удивилась Таюшка, услышав краем уха взрослый разговор.

— Да, у нас дома поселился Тайфун, большой и умный

пёс, — сказала мама. — Мы же собирались завести собаку, вот и завели. Причем сразу взрослую и такую, чтобы могла охранять тебя на прогулках.

— А вдруг этот большой пёс укусит Рыжика? — испугалась Таюшка.

— Нет, Тайфун любит Рыжика, Рыжик теперь спит верхом на Тайфуне. И Тайфун будет присматривать за тобой, чтобы ты не лезла в драки, — пообещала мама. — И ещё, ко мне приехал мой муж, — робко добавила она.

— Какой ещё муж? А мой папа куда пойдёт жить, когда найдётся? — от такой новости Таюшка даже рот открыла и тут же приготовилась обидеться на маму.

— А ты посмотри на него внимательно, может, узнаешь в нём нашего папу, — увещевала мама, показывая глазами на дядю Витю.

— Он лысый и старый, — заупрямилась Таюшка, — а мой папа с волосами и молодой.

— Это просто он голову побрил, Таюшка. А так это мой настоящий друг Виктор Лужин, — подключился дядя Коля. — Я бы никогда не стал тебя обманывать, Таюшка! Ты присмотришься хорошенько. Даю слово, что это твой папа.

— Не-е-ет! — упрявилась Таюшка. — Он с бородой, а у моего папы нет бороды.

— Витёк, немедленно сбрей бороду, иначе родная дочь тебя так и не признает, — хохотнул дядя Коля.

— Таюшенька, подвинься ко мне поближе. Видишь, сколько у меня шрамов, — сказал дядя Витя, — поэтому я сбрил волосы с головы и отрастил бороду. Одни шрамы надо ещё лечить, а другие уже можно закрывать, чтобы люди не пугались.

Таюшка боязливо приблизилась к человеку, преждевременно постаревшему в плену. А ведь этот человек столько

лет всей душой стремился домой и весь свой плен мечтал ещё хоть разочек увидеть свою рыжую дочурку!

— Вот, дочка, посмотри, что в моей бороде прячется.

Дядя Витя раздвинул бороду, и Таюшка увидела шрамы, много-много шрамов, и не только в бороде. Шрамы были по всему лицу, на голове, на руках, на шее. Таюшке стало жалко этого старого и лысого человека, и она принялась гладить шрамы своими пальчиками. Она гладила лицо, голову, руки дяди Вити, а у того из глаз потекли крупные слёзы. Таюшка вытирала их своими тёплыми лапочками и приговаривала:

— Не плачьте, дядя Витя, не плачьте... Уже хорошо то, что вернулись с войны. И мой папа тоже найдётся и вернётся.

— Ну вот, опять за своё! Таюшка, это же твой настоящий папа, — стал уверять её дядя Лёша. — Ну-ка, всмотришься в его лицо. Ведь это же то самое лицо, что на фотокарточке, что стоит у тебя в комнате, на столе, в рамочке...

— Не знаю я, — недоверчиво и растерянно прошептала Таюшка, силясь вспомнить лицо на карточке.

— Ничего, она меня потом узнает, — сказал дядя Витя и взял Таюшку на руки.

Таюшка и вправду не помнила папиного лица на домашнем фотопортрете: это лицо как-то размылось в её памяти, стало нечётким, неясным. Она пригрелась на коленях у отца, которого по-прежнему считала чужим дядей Витей, и задремала после такого бурного для неё дня. Не слышала она, как уложили её в постель, как уходила домой из её палаты счастливая мама, обняв не менее счастливого папу, и как потом мама вернулась.

— Вставай, Таюшка, я уже успела сбежать домой и приготовить ужин, пока ты спала. Накормила Рыжика с Тайфуном и дядю Витю, — разбудил девочку мамин голос.

Она заставила Таюшку поужинать, поправила её постель.

Медсестра сделала Таюшке укол, и Таюшка быстро провалилась в сон. И снилась ей белая крылатая лошадка. Лошадка убегала от неё в ночное небо, а Таюшка всё бежала за ней и кричала: «Лошадка, лошадка, постой, погоди!»

Три последних больничных дня пролетели незаметно. В пятницу её снова осмотрели врачи и сделали контрольный рентген. Всё было уже нормально, и её выписали. После обеда мама с дядей Витей принесли объёмную сумку, и мама стала помогать Таюшке одеваться: надела на неё тонкий шерстяной свитер, колготки, а сверху пушистый костюмчик с начёсом.

— Ну что, девушки, готовы? — спросил зашедший в палату дядя Витя.

— Готовы, только вот осталось косички заплести, — сказала мама. — Ну-ка, Витя, давай, ты одну косичку, я другую.

Мама расчесала Таюшкины волосы, и они с дядей Витей стали заплетать по косичке.

— Ну просто семейный портрет в больничном интерьере, — засмеялся зашедший в палату дядя Коля.

Потом они сели в машину, и дядя Коля отвёз их домой. Дома первым делом Таюшка принялась рассматривать свои зимние обновы — бежевую кудрявую шубку и в тон ей вязаную шапочку.

— Мама, а это мои шубка и шапочка? — недоверчиво спросила Таюшка.

— Пока твои, а потом не знаю, чьи будут, — улыбаясь, сказала мама.

— Как, разве ты собираешься кому-то отдать их? — огорчилась Таюшка.

— Таюша, ты же скоро вырастешь из этих шубки и ша-

почки, и тогда, может быть, их будет носить твоя сестрёнка, — сказала мама.

— Какая ещё сестрёнка? У меня нет никакой сестрёнки.

— Это пока нет, а потом обязательно будет, — сказал дядя Витя. — Вот я поправлюсь, и мы с мамой проработаем этот вопрос. У тебя обязательно будут и сестрёнка, и братишка.

— Я лучше к своему папе уйду, когда он найдётся, — мрачно пообещала Таюшка.

Взрослые огорчённо замолчали. Таюшка зашла в прихожую, и сразу из комнаты выпрыгнул большущий пёс. Таюшка невольно спряталась за маму.

— Не бойся, Таюша, это Тайфун, он очень добрый, — сказала мама.

— Тайфун, это наша Таюшка, — сказал дядя Витя.

Он взял Таюшкину руку и дал понюхать Тайфуну. Тайфун лизнул Таюшкину ручку и отвёл уши назад, что на собачьем языке означало: «Я понял, хозяин».

Таюшка прошла в свою комнату, которая когда-то была папиной. На кровати у неё сидели три мягких медведя, огромный плюшевый леопард и черепаха. Таюшка поиграла с ними, дала понюхать одного мишку Тайфуну, но тот отвернулся от игрушки и посмотрел на Таюшку умными глазами, давая понять, что плюшевые игрушки ему глубоко безразличны. Потом она потрогала лежащую на полу мягкую черепаху и попрыгала на красивом леопарде. Тут в комнату заскочил Рыжик и начал баловаться с черепахой.

— Рыжик, нельзя, ты её порвёшь! — И Таюшка отобрала у Рыжика черепаху.

Рыжик махнул на стол и тут же с грохотом что-то уронил. Таюшка подошла и увидела, что это упал папин портрет. Она

его подняла и стала внимательно всматриваться в папино лицо. Тут в комнату вошёл дядя Витя и присел перед Таюшкой на корточки. Таюшка перевела взгляд на дядю Витю, потом опять на папин портрет, потом снова на дядю Витю, и на её лице появилось удивление: папины глаза на портрете были в точности такими же, как у дяди Вити.

— Папа! — одними лишь губами прошептала она и крепко обняла своего папу. — Наконец-то!

— Вот видишь, дочка, ты меня и вспомнила, — сказал папа и посадил дочку на колени. И они долго так сидели, прижавшись друг к другу.

А в город уже вошла зима на мягких снежных лапах и начинала кружить на городских улицах свои колючие метели...

Литературное издание

Тамара Черемнова

Про рыжую Таюшку

Художник

Лариса Тимофеева

Отв. редактор **А. В. Правда**

Инж. комп. вёрстки **С. А. Скобликов**

Корректор **И. Б. Шатерник**

Подписано в печать 16.02.2005. Формат 60×90/16.

Объём 6,0 печ. л. Гарнитура TextBook.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 830 экз. Заказ № 540.

ФГУИПП «Кузбасс»

Россия, 650066, г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28.

Тел. (384-2) 52-68-11, факс (384-2) 52-78-88

96-40

47

МБУ "МИБС"
г. Новокузнецк

13842102054905